

Л. М. Епифанова

**УКОПИСНЫЕ
ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ**

**СРЕДНЕЙ АЗИИ
ПЕРИОДА
ПРИСОЕДИНЕНИЯ
ЕЁ К РОССИИ**

БУХАРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“ УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АБУ РАЙҲОН БЕРУНИЙ НОМИДАГИ ШАРҚШУНОСЛИК
ИНСТИТУТИ

Л. М. ЕПИФАНОВА

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР
АКАДЕМИЯСИ ШАРҚШУНОСЛИК
ИНСТИТУТИДА САҚЛАНАЁТГАН
ЎРТА ОСИЁНИНГ РОССИЯГА
ҚЎШИБ ОЛИНИШИ ДАВРИГА
ОИД ҚЎЛЁЗМА МАНБАЛАР

(Бухоро)

ЎЗБЕКИСТОН ССР «ФАН» НАШРИЕТИ

ТОШКЕНТ • 1965

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ ИМЕНИ АБУ РАЙХАНА БИРУНИ

Л. М. ЕПИФАНОВА

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК УзССР
ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ
ПЕРИОДА ПРИСОЕДИНЕНИЯ
К РОССИИ

(Бухара)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“ УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ • 1965

В книге приведено описание нарративных источников из рукописного фонда Института востоковедения АН УзССР, содержащих ценные сведения по социально-политической и экономической истории Бухарского ханства второй половины XIX в. В рукописях имеется также немало материалов о положении народных масс и их отношении к присоединению Средней Азии к России.

Работа рассчитана на востоковедов и историков.

Под редакцией и при участии
канд. истор. наук

А. УРУНБАЕВА

197923

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вторая половина XIX в., как известно, явилась переломным периодом в жизни народов Средней Азии. Завоевание страны царскими войсками и присоединение ее к России привело впоследствии к экономическим, социальным, политическим и культурным изменениям в ханствах, которые имели прогрессивное значение, так как явились результатом воздействия более передовой экономики, демократической и революционной общественно-политической мысли и культуры России. Однако при оценке исторически прогрессивных последствий присоединения Средней Азии к России советская историческая наука отмечает в то же время, что колониальная политика царизма в Средней Азии была реакционной, антинародной, направленной на подавление народных масс, на союз с эксплуататорской феодально-байской и буржуазной верхушкой покоренных народов¹. Прогрессивные процессы в жизни среднеазиатских народов происходили помимо царского правительства, вопреки его воле и желаниям.

Задача правильной оценки исторического значения присоединения Средней Азии к России была выдвинута перед советскими историками еще в 1951 г. на страницах журнала «Вопросы истории»².

Советские исследователи³ единодушно признают прогрес-

¹ Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955, стр. 5.

² О некоторых вопросах истории народов Средней Азии, Вопросы истории, 1951, № 4.

³ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении, т. I, изд. 3, М., Госполитиздат, 1955; История Узбекской ССР, т. I, кн. 2, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956; История Казахской ССР с древ-

сивность последствий упомянутого исторического акта в общественно-экономической, политической и культурной жизни страны. Они едины также в определении главного момента прогрессивности присоединения Средней Азии к России — это сближение трудящихся Средней Азии с русскими трудящимися и впоследствии совместная революционная борьба за освобождение от всякого гнета — социального, колониального и национального. Однако в оценке частных вопросов среднеазиатской истории этого периода имеются расхождения, например, в определении характера развития феодализма в Средней Азии к моменту завоевания ее царской Россией⁴ или в вопросе об отношении различных слоев среднеазиатского общества к присоединению⁵ и т. п.

Решение спорных вопросов должно основываться на конкретном историческом материале, без анализа которого невозможно воссоздать картину исторического процесса и раскрыть закономерности исторического развития⁶.

Таким материалом являются, прежде всего, местные исторические сочинения и документы, написанные современниками, а нередко и участниками происходивших событий, которые не использованы еще полностью при исследовании упомянутого периода. Это в значительной мере объясняется тем, что все эти сочинения, за редким исключением, находятся в рукописях. Они не только не изданы, но даже не все описаны в каталогах рукописохранилищ и остаются неизвестными широкому кругу научной общественности.

нейших времен до Октябрьской социалистической революции, т. I, Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1957; Н. А. Халфин. Политика России в Средней Азии (1857—1868), М., ИВЛ, 1960; Б. Д. Джамгерчинов. Присоединение Киргизии к России, М., Соцэкгиз, 1959; А. В. Пясковский. К вопросу о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России, Вопросы истории, 1959, № 8; Его же. Приобщение среднеазиатских народов к революционной борьбе русского народа — важнейшее прогрессивное последствие присоединения Средней Азии к России, Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России, Ташкент, 1959; З. Ш. Раджабов. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX в., Таджикгосиздат, 1957; С. А. Раджабов. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии, Ташкент, Госиздат УзССР, 1955; И. С. Брагинский, С. А. Раджабов, В. А. Ромодин. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России, Вопросы истории, 1953, № 8, и др.

⁴ О. Д. Чехович. О некоторых вопросах истории Средней Азии XVIII—XIX вв., Вопросы истории, 1956, № 3.

⁵ Н. А. Халфин. Политика России в Средней Азии (1857—1868), стр. 4.

⁶ И. С. Смирнов. Об источниковедении истории КПСС, Вопросы истории, 1956, № 4, стр. 195.

Объединенная научная сессия по вопросам истории Средней Азии и Казахстана, состоявшаяся в 1954 г. в Ташкенте, поставила перед советскими востоковедами задачу систематической публикации восточных рукописей и архивных документов, особенно касающихся вопроса прогрессивного значения присоединения Средней Азии к России⁷. Однако эта задача и сейчас до конца не выполнена.

Настоящая работа посвящена описанию и обзору всех бухарских нарративных первоисточников, хранящихся в Институте востоковедения АН УзССР, освещающих историю Бухары второй половины XIX в.⁸

Приводимые ниже исторические хроники, написанные как очевидцами завоевания Бухары царскими войсками (Даниш, Сами), так и людьми, наблюдавшими жизнь в ханстве после присоединения (Шарифджан Махдум Садр Зиёа и др.), еще недостаточно привлечены исторической наукой для исследования упомянутого периода. Из описываемых сочинений только труд Ахмада Даниша «Рисала» («Трактат») имеет научное критическое издание текста⁹, в котором использована и рукопись Института востоковедения АН УзССР. К сожалению, научного перевода этого труда, равноценного изданному тексту, еще нет (существует только сокращенный перевод сочинения на русский язык, выполненный по одному из списков)¹⁰.

Другие приведенные в настоящей работе рукописные бухарские хроники или совсем не известны широким кругам научной общественности, например, труд Хамида ибн Бака ходжи «Танзил ал-амсал фи зикр-и байан ал-ахвал» («Изложение примеров в обстоятельствах жизни [автора]») или известны только по краткому описанию их в «Собрании восточных рукописей АН УзССР»: «Тухфа-и шахи» («Подарок шаху») Абдал'азима Сами (т. I, стр. 92, оп. № 235), «Та'рих-и Салими» («Салимова летопись») Мирзы Салим бека (т. I, стр. 93, оп. № 237) и «Та'рих» («История») Шарифджана Махдума

⁷ Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, стр. 586.

⁸ Изданные рукописи Института востоковедения АН УзССР в настоящий обзор не включены. К ним относится сочинение Мирзы 'Абдал'азима Сами «Та'рих-и салатин-и мангитийа», М., ИВЛ, 1962.

⁹ Аҳмад Маҳдуми Дониш. Рисола ё мухтасаре аз та'рихи салтанати хонадони мангития. Ба саъи ва ихтимом ва тасҳҳи Абдулгани Мирзоев, Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1960.

¹⁰ Ахмад Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург, Таджикгосиздат, 1960, стр. 33—122. Учитывая, что этот перевод труда Даниша сделан по одному списку, который в отдельных местах расходится с нашей рукописью, мы нашли нужным полностью пересказать содержание последней.

(т. VI, стр. 553, оп. № 4993). Учитывая это, при описании рукописей авторы работы старались подробнее передать их содержание.

Труды Даниша и Сами, представляющие собой по полноте и достоверности содержащегося в них фактического материала основные источники по истории Бухары упомянутого периода, даны в монографическом описании (глава первая). Остальные сочинения выделены во вторую главу, и при описании их мы ограничились краткой характеристикой. Биографические данные об авторе и перечисление созданных ими трудов даны с возможной полнотой в обеих главах, так как без этого невозможна правильная оценка приводимых в трудах исторических сведений.

Глава

رساله

(ترجمة الاحوال اميران بخارای شریف از امیردانیال تا عصر
امیر عبدالاحد)

ТРАКТАТ

(Жизнеописание эмиров благородной Бухары от эмира
Данийала до времени эмира 'Абдалахада)

Автор — выдающийся мыслитель, поэт, писатель и ученый второй половины XIX века, просветитель таджикского народа — احمد ابن مير ناصر ابن يوسف الحنفی الصدیقی البخاری Ахмад б. Мир Насир б. Йусуф ал-Ханафи ал-Сиддики ал-Бухари, по псевдониму Даниш („Знание“), известен под прозвищем Ахмади Калла („Ахмад-голова“), по-видимому, не только за крупные размеры своей головы, но, главным образом, за свой ум и знания. За широкие познания в естественных и точных науках современники называли Ахмада Даниша مهندس „Мухандис“ („Геометр“).

Ахмад Даниш родился в 1242/1827 г. в Бухаре в небогатой семье имама одной из квартальных мечетей города. Отец его происходил из крестьян, приехал учиться в Бухару из деревни Сугд, а после окончания медресе остался в городе.

Родители Даниша были людьми образованными; мать обучила его грамоте, а девяти лет отец отдал сына в начальную школу (мактаб), мечтая сделать из него «кари» — чтеца корана. Однако бессмысленное зазубривание арабских стихов корана было мучительным для любознательного мальчика, и он все свободное от занятий в школе время проводил около рассказчиков народных преданий на улицах Бухары.

Через три года, увидев, что чтеца корана из Ахмада не получится, отец взял его из школы и отдал учиться в медресе, в одной из худжр которого он и поселился. Изучение схоластических наук не удовлетворяло Даниша. Он самостоятельно изучил историю, литературу, астрономию, геометрию, медицину, каллиграфию и музыку.

В начале 50-х годов по протекции главного придворного

зодчего и каллиграфа Даниш был привлечен на службу при эмире Насраллахе. Сначала он выполнял обязанности каллиграфа и художника (украшал миниатюрами рукописные сочинения), а после смерти зодчего, которого он называет своим учителем, был назначен на его место. Из сочинения видно, что уже в 1869—1870 гг. Даниш ушел с придворной службы. Он пишет: «Так как из-за отсутствия порядка служба в войске и услужение правителям показались мне тяжелыми и бесплодными, то я, несмотря на то, что меня приглашали и упрекали [за отказ], устранился [от этих дел] и поселился в медресе, удовлетворившись сухим хлебом» (л. 326)¹.

Трижды бухарские эмиры включали его в состав посольств, отправляемых в Россию: в 1857 г. при Насраллахе, в 1869 и в 1874 гг. при Музаффаре. Подробное описание этих поездок имеется в произведениях Даниша «Навадир ал-вакае» и «Тарджума-и ахвал-и амиран-и Бухара-и шариф».

Поездки в Россию имели решающее влияние на формирование мировоззрения писателя, его общественно-политических взглядов. Знакомство с политической, экономической и культурной жизнью России, на несколько веков опередившую Бухару в своем развитии, наглядно показало Данишу отсталость режима Бухары, его гнилость и непригодность. Однако в силу исторической ограниченности он не видел да и не мог видеть истинных, революционных путей преобразования общества и наивно полагал, что умный государь, управляя страной на основе справедливых законов, может изменить существующее положение. Эти взгляды изложены им в «Трактате об устройстве государства и взаимоотношениях людей»² (включен в его труд «Навадир ал-вакае»), где автор предлагает эмиру провести ряд коренных реформ государственного управления. Однако надежды на эмира были напрасны. Своими советами он вызвал только недовольство последнего, и тот решил удалить его подальше от Бухары.

В конце 70-х годов Даниша отправляют судьей в отдаленные провинции ханства (Хузар, Нахрпай)³. Только после смерти Музаффара Ахмад Махдум возвращается в Бухару.

Друзья и единомышленники Даниша часто собирались у

¹ В скобках здесь и дальше указываются листы описываемой рукописи.

² Время написания «Трактата» определено приблизительно 1875 г. (А. Мирзоев. Первая редакция «Наводир-ул-вакое» и время ее составления, В сб. статей по истории и филологии народов Средней Азии, Труды АН ТаджССР, т. XVII, 1953, стр. 159).

³ В одном из автографов Даниша, хранящемся в ИВАН УзССР, зафиксирована дата пребывания автора судьей в Хузаре — середина джумада I 1302/начало марта 1885 г. (р.кп. № 2362, л. 976).

него в доме. Здесь образовался как бы литературно-политический кружок, который посещали все прогрессивно настроенные люди Бухары того времени. На собраниях у Даниша читались новые произведения, обсуждались вопросы литературы, критиковались существующие порядки.

Умер Даниш в 1314/1897 г.

Ахмад Махдум оставил большое литературное и научное наследие, которое, несмотря на ряд имеющихся исследований⁴, до сих пор полностью не изучено. Большинство произведений его не издано (следует отметить, что даже не все рукописные сочинения описаны).

В Институте востоковедения АН УзССР хранится 17 списков сочинений Даниша, некоторые из них автографы. Не останавливаясь подробно на описании этих рукописей, приведем только общие сведения о них.

1). Списки произведения, известного под названием معيار

⁴ См. библиографии трудов Даниша: А. Юнусов. Ахмади Дониш,

1960; Jiri Bečka, Soviet studies on Ahmad Donish, Archiv orientální, Czechoslovak Academy of sciences, Praha, 1963, 483—487. И. Муминов. Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане, Ташкент, 1957, стр. 86—105; Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане, Ташкент, 1957, стр. 279—286; И. С. Брагинский. Жизнь и творчество Садриддина Айни, М., 1959, стр. 17—23; С. Айни. Воспоминания, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 402—415, 771—798, 1020; А. Қосим-зода, Боз баъзе маълумоти тоза дар барон Ахмад Махдуми Дониш, Шарқи сурх, 1960, № 12; З. Раджабов. Выдающийся просветитель таджикского народа Ахмад Дониш, Душанбе, 1961; К. Айни. Встречи Ахмада Дониша с П. И. Пашино, журн. „Народы Азии и Африки“, 1963, № 6; Л. А. Исламова. Об элементах народности в творчестве Ахмада Дониша, Общественные науки в Узбекистане, 1963, № 11; К. Юлдашев. О социально-экономических воззрениях Ахмада Дониша, Общественные науки в Узбекистане, 1963, № 10, стр. 55—58; А. М. Мирзоев. Ахмад Дониш о проблеме воды для Бухары, Краткие сообщения Ин-та народов Азии, М., 1964, № 65;

Из среднеазиатских тазкира ИВАН УзССР о Данише упоминают следующие:

ркп. инв. № 2252/II (л. 105а—106а) حاجى نعمة الله محترم، تذكرة الشعر^{۱۶}

ркп. инв. № 3396/III, л. 706—756 حاجى عبد العظيم، تذكرة الشعر^{۱۷}

ркп. инв. № 1304, л. 8а—б; ميرزا محمد شريف صدر المخلص بالضياء، تذكرة الشعر^{۱۸} منظومه

(مير) افضل پير مستى ايس محمد اشراق الصديقى، افضل التذكار
Ташкент, 1336/1918, стр. 48—50. فى ذكر الشعر^{۱۹} والاشعار

التدين „Мера благочестия“⁵. Сам автор раскрывает содержание сочинения в начале труда в словах: رساله در اصلاح ذات البين میان شیعه... و سنی... و بیان مخالفت و معاندت فریقین بومدیکر...

„Трактат об улучшении взаимоотношений между... шиитами и ...суннитами, изложение противоречий и вражды между [этими] двумя сектами...“

Труд написан в 1311/1893—1894 г. Излагая историю разногласий и причины вражды между суннитами и шиитами, Даниш попутно рассказывает о других религиозных учениях, о появлении различных сект, касается философских взглядов Джалаладдина Руми, Газзали, Бедиля и т. д. В итоге он призывает к устранению религиозных разногласий и установлению мира между сектами.

Сочинение представляет большой интерес при изучении мировоззрения просветителя, его философских взглядов.

2) Сочинения Даниша по астрономии и астрологии:

а) Большой труд под названием مناظر الكواكب „Зрелища небесных светил“, посвященный астрономическому календарю, его построению, знакам зодиака и т. д.⁶ Написан в 1288/1871 г.

б) Небольшой трактат رساله در علم کره وطریق عمل „Трактат о глобусе и о способе пользования им“⁷. Рукопись датируется 1287/1870—1871 годом.

в) Астрономические таблицы, переписанные рукой Даниша⁸. Судя по различной датировке отдельных частей рукописи (например на л. 76а и 86а—1300/1882—1883 г., а на л. 97б—середина джумада I 1302/начало марта 1885 г.), список переписан не сразу и заполнялся постепенно. В конце (л. 226б) указано, что отдельные части сочинения переписаны мудар-рисом Сайд Джунайдаллах ходжой; в одной из записей приведен 1327/1909 год (л. 14а).

⁵ Ркп. № 553. (Описание см. «Собрание восточных рукописей Академии наук УзССР — в дальнейшем СВР, VI, 471, № 4861); 2187 (СВР, VI, 471, № 4862) и 2776 (137 л., размеры 15,5×26,4); все три — автографы).

⁶ Ркп. № 459/II (опис. см. СВР, I, 234, № 531); 2144 (СВР, I, 234, № 529 — автограф); 2941 (СВР, I, 234, № 530) и 5259/II (103 л. занимает л. 376—139а сборной рукописи, размеры 12,3×18, автограф).

⁷ Ркп. № 2247/I (4 л., занимает л. 16—4а сборной рукописи; размеры 16,5×20,9; вся эта сборная рукопись, включающая астрономические сочинения и других авторов, переписана рукою Даниша — всего 104 л.).

⁸ Ркп. № 2362 (227 л., размеры 17,7×22,5).

г) отдельные астрономические и астрологические записи⁹; первая сделана в 1296/1878—1879 г.

3) Две черновые тетради Даниша. Одна из них заполнена его рукой в 1304/1886 г.¹⁰; другая датируется первым днем джумада II 1312/30 ноября 1894 г. (л. 716)¹¹.

В тетрадях Даниша, еще не исследованных, содержится много интересного автобиографического материала, сведений о современниках, стихов своих и поэтов его круга (Шахин и др.)¹².

4) Рукописи выдающегося литературно-философского труда *نوادير الوقایع* «Редкости событий», занимающего основное место в научно-литературном наследии Ахмада Даниша; в нем изложены в систематизированном виде политические, социальные и философские взгляды просветителя¹³. Труд написан в период с 1875 по 1882 г. Сочинение приобрело большую популярность среди передовой бухарской интеллигенции; сам автор переписывал его несколько раз, поэтому оно дошло до нас в трех редакциях¹⁴.

Существенную часть произведения составляет «Трактат об устройстве государства и о взаимоотношениях людей», где содержится критика бухарского режима и излагается предложенная Данишем реформа государственного управления Бухарского ханства.

В Институте востоковедения АН УзССР сочинение представлено в четырех списках¹⁵.

5) Исторический труд, больше всего известный под названием *رساله* „Трактат“, или „Жизнеописания эмиров благородной Бухары от эмира Данийала до времени эмира ‘Абдалахада“, рукопись которого составляет предмет настоящего описания.

⁹ Ркп. № 5095 (128 л., размеры 13×20,4).

¹⁰ Ркп. № 2368 (опис. см. СВР, VI, 551, № 4994).

¹¹ Ркп. № 2279 (138 л., размеры 16,7×21,6).

¹² Несколько отрывков из упомянутых тетрадей изданы в современной графике — см. Аҳмади Дониш, Асарҳои мунтахаб, Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1959, с 240—247.

¹³ А. Мирзоев, Первая редакция «Наводир-ул-вақое» и время ее составления, Труды АН ТаджССР, т. XVII, 1953, стр. 151, 161. Издание труда на узбекском языке под редакцией и с предисловием И. М. Муминова: Аҳмад Дониш, Наводирул вақое (Нодир воқеалар), Тошкент, ЎзССР «Фан» нашриёти, 1964.

¹⁴ Там же, стр. 158.

¹⁵ Ркп. № 2095, 814 и 4266 (опис. первой рукописи см. СВР, III, 118, № 2061, и всех трех в цитир. выше работе А. Мирзоева, стр. 155) и ркп. 5693/XII, 19 л. (99б—117а); 15×25,7 — отрывок из сочинения (посольство Абдалкадир бека в Россию).

В Институте востоковедения сочинение представлено единственным списком (инв. № 1987)—рукописью хорошей сохранности, содержит 79 листов, размеры 18 × 25,5; переписана в 1933 году крупным четким насталиком по 13 строк на странице на листах белой писчей бумаги. Переписчик—عباد الله عادلنى 'Ибадаллах 'Адилов—в конце списка указал, что свою рукопись он списывал с автографа¹⁶. Начало рукописи (после басмалы)—ل، 16: بر خاطر اولوالابصار از ارباب ملل و اهل کتاب پوشیده نیست که جهاندار تعالی و تقدس اینجهان بیا فرید...

Конец (л. 79а): غایت آنکه این حوادث مترقبه موقوف وقت و آنانست و ناظر ظهور سوايح امور کلیات و الله عالم بحقایق الامور کلها

Названия сочинению сам автор, видимо, не дал, так как ни в одном из известных в настоящее время автографов его нет. По воле разных переписчиков труд стали называть по-разному: رساله تاریخ امیران منغیت "Трактат по истории Мангитских эмиров", часто просто رساله "Трактат"; "Краткая история", а в нашем списке он озаглавлен: ترجمه الاحوال امیران بخارای شریف از امیر دانیال تا عصر امیر عبد الاحد

«Жизнеописание эмиров благородной Бухары от эмира Данийала до времени эмира 'Абдалахада».

Время написания сочинения неизвестно, однако, судя по тому, что события в нем доведены до начала правления эмира 'Абдалахада (1885—1910), труд завершен после 1885 г.

В Советском Союзе известно еще несколько списков этого сочинения, хранящихся в библиотеках и у частных владельцев¹⁷.

¹⁶ На внутренней стороне второй корки переплета указано, что в Институте востоковедения под инв. № 1960 хранится еще один список сочинения. К сожалению, он утерян. Возможно, утраченный список был, как предположил проф. А. Мирзоев, тем автографом, с которого Адилов списывал свой экземпляр (см. упомянутое выше критическое издание текста сочинения, подготовленное А. Мирзоевым, стр. V).

¹⁷ Четыре из них использованы и кратко описаны в работе А. Мирзоева: список-автограф из рукописного фонда музея города Бухары (инв. № 9823); две рукописи из фонда восточных рукописей Академии наук ТаджССР (инв. № 2566 и 572 — опис. их см. также в «Каталоге восточных

Труд «Жизнеописания эмиров благородной Бухары...», освещающий историю правления Мангитской династии в Средней Азии и общественно-политическую жизнь Бухарского ханства второй половины XIX в., давно привлек внимание исследователей.

Первое описание труда приведено в указанной выше работе Е. Э. Бертельса «Рукописи произведений Ахмада Калла». Существует несколько сокращенное в конце издание сочинения в современной русской графике по одной из рукописей, хранящихся в Академии наук ТаджССР¹⁸, и перевод сочинения на русский язык, выполненный с небольшими сокращениями по той же рукописи¹⁹.

И, наконец, научное критическое издание текста сочинения, подготовленное по пяти рукописям А. Мирзоевым²⁰ (описываемая рукопись из собрания Института востоковедения АН УзССР включена в это издание). При сравнении их А. Мирзоев пришел к заключению, что существует три редакции сочинения, но существенных расхождений между ними нет. Список ИВАН УзССР представляет собой одну из редакций, а именно несколько сокращенный вариант (рукопись заканчивается описанием смерти эмира Музаффера и вступлением на престол эмира Абдалахада, остальные же варианты освещают и начало правления последнего).

Описываемая рукопись начинается со вступления (л. 16—7а), в котором автор пишет о зависимости благополучия в мире от расположения планет на небе; о религиях, которые, по его мнению, существуют до определенного часа и сила которых зависит от духовенства; о сотворении мира и т. п.

Затем следует небольшой экскурс в историю правления мангитских государей начиная с эмира Данийала (1758—1785) — л. 76—8а. По словам автора, в это время в стране царил ужасная разруха и разорение, так как мангитские правители совершенно не думали о благоустройстве государства и о благополучии своих подданных, а только о личном обогащении: «Они [мангитские правители] забирали себе все, что бы ни находили,— похищали пламя от свечи у вдов и хлеб из

рукописей Академии наук Таджикской ССР», т. I, стр. 109—111, опис. № 113, 114); список, принадлежащий составителю критического текста А. Мирзоеву.

Описание одной самаркандской рукописи из личной библиотеки Фитрата приводит Е. Э. Бертельс в труде «Рукописи произведений Ахмада Калла» (Труды Таджикистанской базы, т. III, М.—Л., 1936, стр. 12 и сл.).

¹⁸ Аҳмади Дониш. Асарҳои мунтахаб, 1959, стр. 19—115.

¹⁹ Аҳмад Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург, 1960, стр. 33—122.

²⁰ Аҳмад Махдуми Дониш. Рисола ё мухтасаре аз таърихи салтанати хонадони мангития..., 1960.

вакуфных амбаров, и все это на потребу своего брюха и себе на радость. И ни у кого не было смелости возражать [против этого]. Среди эмиров и хакимов оживился базар азартных игр, винопития и распутства, а у крестьян и ремесленников не осталось возможности ни стоять, ни двигаться из-за обилия жестокостей, притеснений, налогов и прочих сборов вроде аминана, вакилана» и т. п. (л. 76—8а).

Совсем в ином свете представлен сын Данийала эмир Шахмурад (1785—1800) — л. 86—116, сменивший отца на престоле (годом вступления Шахмурада на престол Даниш называет 1198 [1783—1784] г.). По описанию Даниша, это был умный и справедливый государь, освободивший народ от многих налогов. Однако далее Даниш подробно рассказывает и о том, как Шахмурад, еще будучи наследником престола, жестоко расправился с видными сановниками государства — кушбеги и казием Низамаддином (л. 96—106).

Правление сына Шахмурада эмира Хайдара (1800—1826) — л. 12а—136 — характеризуется в сочинении как период непрерывных феодальных войн («каждые 3—6 месяцев»). В промежутках между ними эмир, по словам автора, постоянно находился в обществе улемов, занимался богословием, и в его время Бухара стала славиться как центр мусульманской науки.

Коротко упоминает Даниш о недолгом правлении сыновей Хайдара: эмира Хусайна (2 месяца) и эмира Омара (4 месяца) — л. 136—14а — и переходит к царствованию бухарского эмира Насраллаха (1826—1860 гг.)²¹, которое он наблюдал уже сам.

Даниш характеризует эмира Насраллаха как сильного, безжалостного властителя, значительно расширившего пределы своего государства. Для достижения своих целей Насраллах использовал любые средства. По словам автора: «все, что по его мнению было правильным, — это и считал он по своему слабому разумению [постановлением] шариата и безотказно приводил в исполнение» (л. 16а).

Даниш подчеркивает тяжелое положение народа в правление Насраллаха и пишет: «А некоторые продажные улемы, преследуя только мирскую выгоду, издавали фетву, согласно которой вся земля и имущество подданных принадлежат государю, и у подданных нет права собственности ни на одну вещь. А если государь берет у любого подданного [что-либо], то это [его] право, так как он берет в своем владении и это не гнет

²¹ Ркп., л. 15а—16б. Датой восшествия эмира Насраллаха на престол Даниш называет рамазан 1242/март 1827 г. (л. 15а).

и не притеснение» (л. 16а—б). Если Насраллах конфисковал имущество у сипахов, те компенсировали потери, отбирая имущество у простого народа (л. 15б).

Большая часть рукописи посвящена времени правления эмира Музаффара (1860—1885)²². В этой части сочинения в ярких образах Даниш запечатлел общественную жизнь Бухары второй половины XIX в., дал беспощадную критику существующего феодального строя и осветил переломный период в жизни среднеазиатских народов — период завоевания ханства русским царизмом.

Вступление на престол эмира Музаффара ознаменовалось, пишет Даниш, жестокой расправой его со сторонниками своего отца. После удачных походов на Хисар и Коканд в первые годы правления он перестал с кем-либо считаться и «выполнение постановлений шариата и пределы шариата рассматривал, как хотел». Тюрмы при Музаффаре были переполнены. За малейшую провинность людей сажали на 3—7 лет; если же заключенных набиралось слишком много, «их выводили и резали как скот» (л. 18а), освобождая место для новых жертв.

Отрицательную характеристику Даниш дает и первому везиру — ближайшему помощнику Музаффара — Мухаммад Шаху кушбеги, человеку глупому, невежественному и даже неграмотному (л. 18б).

При описании завоевания Средней Азии войсками царской России автор сообщает, что еще во время правления в Бухаре Насраллаха, когда русские построили на Сырдарье укрепление, сановники советовали эмиру выступить против них. Однако Насраллах отказался под тем предлогом, что, во-первых, у него нет таких сил, как у русских, и во-вторых, захваченные земли не принадлежат Бухаре (л. 19а). Когда позднее, в правление эмира Музаффара, русские войска осадили Ташкент, принадлежавший Кокандскому ханству, Музаффар, несмотря на советы некоторых сановников, также не пошел против русских, а решил воспользоваться тяжелым положением ханства, присоединив к своим владениям Коканд. Тут сказалась вековая феодальная рознь и постоянные междоусобицы.

Захватив Коканд, эмирские войска начали грабить мирных жителей, «отбирали у них все, что находили» (л. 19б), а затем, дойдя до Узгенда, ограбили и кочевников.

Даниш ругает эмира за глупость, за отсутствие представ-

²² Ркп., л. 16б до конца.

ления об окружающих, даже соседних странах²³, считая, что причины этого кроются в обучении и воспитании бухарских царевичей — умение читать и писать считалось достаточным, чтобы вверить им бразды правления (л. 206).

После завоевания Ташкента (1865 г.), перед наступлением русских войск на Джизак, духовенство и учащиеся бухарских медресе выступили с агитацией за священную войну. Лозунг газавата, по-видимому, не был популярен в народе, так как, по словам Ахмада Махдума, духовенство «стало применять палки», чтобы заставить людей присоединиться к ополчению (л. 22а). Даниш ругает духовенство за то, что оно, как и эмир, не имея ясного представления о противнике, собрало огромную неорганизованную массу ополченцев, вооружило их палками и заставило участвовать в джихаде, обрекая тем самым на верную гибель (л. 23а).

Участники газавата и эмирское войско собрались на берегах Сырдарьи в местности Сассиккул (ساسیق کول). Когда русские пошли в наступление и завязался бой, Музаффар сидел в своем шатре и играл в шахматы. Услышав выстрелы, он отдал распоряжение военачальникам следить, чтобы казна русских не попала нукерам, и не убивать русских пленных, чтобы включить их в число эмирских сарбазов. Вскоре в бухарском войске началась паника, и эмир ускакал на лошади, забыв даже надеть чалму и одежду (л. 23б—25б).

Причинами поражения бухарского войска Даниш считает следующие: пазначение на должностные военачальников полных невежд в военном деле; неупорядоченная выплата жалованья воинам; необеспеченность семей в случае гибели воина и неосведомленность войска о противнике (л. 26б—27б).

В сочинении подробно описано завоевание русскими Джизака (1866 г.): рассказывается об организации обороны города, об отсутствии согласованности действий командующих бухарскими отрядами, о полном незнании их противника (л. 21б, 28а—29а).

Даниш сообщает также о наступлении русских войск на Самарканд и о попытке самаркандского духовенства поднять народ на газават. Однако бесполезность такой затеи была ясна даже правителю Самарканда Шир 'Али, который, для «успокоения» духовенства, вынужден был применить военную силу (л. 29а—б). Взятием Самарканда и заключением мирно-

²³ Например, на советы сановников выступить против царских войск, осадивших Ташкент, Музаффар заявил, что если уж идти против русских, то прямо на Москву. Музаффар думал, проиически замечает Даниш, что Россия — это все равно, что одна из областей эмирата (л. 20а).

то договора (1868 г.) Даниш завершает описание событий завоевания Средней Азии Россией (л. 30б).

Подробно освещена автором его поездка в Петербург с бухарским посольством (1869 г.), возглавленным одним из царевичей (л. 31а—41а), имя которого не указано. Цель посольства — выразить верноподданнические чувства русскому царю и склонить его к некоторым территориальным уступкам. Бухарским послом был отправлен человек глупый и невежественный, который, несмотря на все советы уже раз побывавшего в Петербурге Даниша, все путал и говорил не к месту.

В Петербурге Ахмад Махдум близко сошелся с известным русским востоковедом Казим беком, исполнявшим обязанности переводчика при бухарском посольстве. Автор рассказывает про него, что еще до завоевания Россией Средней Азии Казим бек приезжал в Бухару, но был арестован по подозрению в шпионаже. Даниш ругает правящие круги Бухары за беззакония. Не разобравшись предварительно в деле, они лишали свободы невиновных людей (одновременно с Казим беком под арестом содержалось также несколько русских купцов, и только благодаря решительным мерам русского правительства они были освобождены — л. 43а—б).

Очень выразительно автор обрисовал в сочинении бесправное нищенское положение трудового народа. Представители правящих классов, начиная с эмира и кончая низшими чинами административного аппарата, безжалостно разоряли трудящихся непомерными налогами. Даниш пишет: «Если какая-нибудь вдова принесет [на базар] моток пряжи и продаст его за три фулуса (мелкая монета), то два фулуса из них забирает амин, а если кто-нибудь принесет вязанку дров и продаст ее за три дирхема, две части из них также становятся долей амина» (л. 48б).

Интересен рассказ одного крестьянина из Гиждувана, который привез продавать на базар в Бухару коконы. «Как только я пришел на базар, мой товар потащили на несколько весов, в 2—3 местах взяли «аминане» и плату за место, определили половину веса и половину цены, так что, получив 10 танга, я поскорее сбежал с базара и [все] боялся, как бы, не дай бог, я сам не исчезнул бы на весах у этих воров».

Примечателен рассказ о злоупотреблениях мирабов (водных надзирателей). Еще задолго до того, как вода поступала в город, мирабы начинали брать взятки с тех, кому обещали раньше отпустить воду. Кроме того, вне зависимости от того, участвовал человек в общественных работах по очистке каналов или нет, мирабы взымали с него деньги (две танги). В ре-

зультате этих поборов собирались огромные суммы, поступающие в эмирскую казну (л. 49б).

С возмущением сообщает Ахмад Махдум, как эмирские чиновники и владельцы земель требовали от крестьян уплаты налогов даже с незасеянных земель, а если крестьянин не мог уплатить, отправляли его в тюрьму (л. 65б).

Из повествования Даниша видно, что сама система управления бухарского феодального общества порождала злоупотребления и беззакония. Так, он рассказывает, как представители полицейской власти, призванные охранять жизнь и имущество мирных жителей, сами превращались в разбойников. Так как жалование их составляли деньги, отобранные у воров, «блюстители порядка» устанавливали с ними связь и входили в соглашение. Однако «известия об этом не доходят до ушей эмира», и причину этого Даниш видит в том, что эмир своей алчностью и корыстолюбием подает пример для злоупотреблений и насилий. Так, эмир старался забрать в свою казну все деньги, которые были предназначены для войска: танхо (земельное пожалование), которого не хватало и для одного ясаула, он делил на четырех человек (л. 50б); скупал огромное количество крестьянских земель для своих дач (л. 51а) и даже ушры с вакуфов, предназначенные для помощи бедным ученикам в медресе, забирал себе (л. 48б). Все эти огромные средства шли на праздную развратную жизнь дворца, описанную Данишем во всем ее неприглядном виде.

Забываясь только о своем обогащении, эмир совершенно не интересовался государственными делами. Поступавшие к нему донесения он передавал мунши (секретарю) и мушрифу (лицу, ведавшему учетом состояния эмира) — л. 59а—б. Бюрократизм в системе управления приводил к тому, что разрешение дел многократно откладывалось (если дело касалось воды для полей, то решение, пишет Даниш, принималось уже тогда, когда земля пересыхала от жары — л. 61а).

Назначение на государственную должность целиком зависело от эмира, и мерой определения пригодности было наличие у претендента красивой молоденькой дочери (л. 52б). Самовластие развратного эмира доходило до того, что он, по рассказу Даниша, каждую ночь брал себе в жены двух-трех девиц. Первое время он заключал брачные контракты, а потом стал обходиться без них. Когда «жен» набиралось до сотни, он раздаривал их войску и придворным (л. 53а—б).

Думами и заботой о родине и народе проникнуто все сочинение Даниша. Он выдвигает, например, перед эмиром проект проведения оросительного канала из Амударьи в районах Келифа и Керки (л. 74а—б), который должен был бы ликви-

дировать недостаток воды в ханстве, усугублявшийся тем, что воды Зарафшана после русско-бухарской войны находились под контролем царских властей. Из-за недостаточного орошения земель началась засуха, а так как налогосборщики, несмотря ни на что, взимали те же налоги, то «крестьяне из-за

гнета чиновников (عمال) побросали многие деревни и ушли в Казали и русские пределы, где получили и землю и воду» (л. 76а). О случаях перехода крестьян на русскую территорию Даниш упоминает и в других местах своего произведения (л. 65а).

Описывая бедственное положение трудового народа при Музаффаре, Даниш в силу исторической ограниченности мировоззрения не понимал еще, что основное зло кроется в феодальном общественном строе. Во всем он винит правящий класс Бухары, давая такую характеристику его представителям: «Итак, если ты внимательно приглядишься к жизни государя, то он развратник, тиран и кровопийца; казий — взяточник, продажный человек и узурпатор; раис — сводник и нечестивец; начальник стражи — пьяница и игрок, предводитель разбойников и глава шайки воров» (л. 51а).

Подвергая критике режим бухарского феодального общества, разоблачая эмира и его ставленников (хакимов, везира, судью и представителей низшей администрации), Даниш показывал современникам истинное положение дел в стране, непригодность существующего строя. Даниш пошел дальше констатации разложения современного ему общества — он готов выступить с решительным сопротивлением существующим порядкам. Ему принадлежит фраза: «Удивительно то, что с этими делами мирятся жители города и деревни, три четверти людей молятся за благополучие эмира и [только] одна четвертая часть не согласна с таким положением» (л. 56б). По-видимому, Даниш имел в виду передовую часть интеллигенции.

Рукопись заканчивается, как было указано, смертью Музаффара и вступлением на престол эмира Абдалахада. В конце — резюме автора, что хотя власть перешла в руки нового эмира, но для народа (رعيه) ничего не изменилось, лучше ему от этого не стало.

Сочинение Даниша не свободно от недостатков, объяснявшихся все той же исторической ограниченностью его мировоззрения:

1) идеализация «справедливых» мангитских эмиров (Шахмурада, Хайдара);

2) идеалистическая концепция о зависимости судьбы человека от расположения планет (л. 57б);

3) неправильное объяснение некоторых исторических фактов. Так, одной из причин наступления России на Среднюю Азию Даниш считает убийство в Мавераннахре Шахруха, племянника иранского шаха Насраддина (1848—1896), и обращение последнего за помощью к России (л. 45а—б).

Оценивая труд Даниша в свете определения В. И. Ленина «исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками»²⁴, можно сказать, что основная заслуга автора заключается в острой критике режима бухарского феодального общества. В то время, когда в Бухаре смотрели на эмира как на «тень Аллаха на земле», Даниш показал народу его истинное лицо тирана и угнетателя, вскрыл злоупотребления эмирской администрации и рассказал про страдания простого люда.

Таким образом, приводимые в труде Даниша факты по политической, экономической и культурной истории Бухарского ханства второй половины XIX в. делают его ценным источником для изучения периода присоединения Средней Азии к России.

Критические же высказывания автора, его личная оценка описываемых событий представляют значительный интерес при изучении истории развития общественно-политической мысли в Бухаре.

تحفة شاهی

ПОДАРОК ШАХУ

Автор — бухарский придворный историк и секретарь — میرزا محمد عبد العظیم سامی بوستانی Мирза Мухаммад 'Абдал 'азим Сами Бустани, служивший при дворе бухарских эмиров — Музаффар (1860—1885) и 'Абдалахада (1885—1910).

Биографические сведения об авторе, почерпнутые из его же произведений²⁵ и нескольких среднеазиатских тазкира, не полны, однако позволяют составить о нем определенное мнение.

Мирза 'Абдал 'азим Сами Бустани родился, примерно, в 1838 или в 1839 г. в селении Бустан, расположенном неподалеку

²⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 178.

²⁵ Биография Сами сравнительно полно изложена в издании исторического сочинения Сами «Та'рих-и мангитийа» («История мангитских государей»), М., 1962, стр. 13 и сл., поэтому здесь мы ограничимся только общими сведениями.

ку от Бухары. Начальное образование он получил в том же селении, а затем учился в Бухаре. Учителем его был казий Са'даддин Махир, которого современники считали, судя по среднеазиатским тазкира, большим ученым и прекрасным поэтом.

Завершив учение (годы не известны), Сами сначала служил секретарем при разных хакимах — правителях областей, а затем в начале царствования Музаффара был привлечен ко двору в качестве эмирского секретаря — мунши (л. 56).

Еще во время феодальной борьбы эмира Музаффара с хакимами Шахрисабза и Китаба в 1280/1863—1864 году эмир назначил Сами в бухарское войско в качестве نویسنده („пишущий“), и последний вел записи событий, нередко даже во время сражений (так, при взятии эмиром Денау наш автор чудом остался жив — пуля противника в щепки разнесла его пенал — л. 179б). Когда шла война между Россией и Бухарой, Сами также находился при эмирском войске на должности وقایع نگاری „наблюдающего за событиями“, участвовал в походе бухарских войск на Коканд во время наступления русских на Ташкент (л. 192 б), был свидетелем наступления царских войск на Самарканд в 1868 г. (л. 216б, 226б) и т. д.

После заключения мирного договора и установления дружеских отношений между Бухарой и Россией, Сами в 1302/1884—1885 г. в составе бухарского посольства ездил с наследником престола 'Абдалахадом в Петербург с поздравлениями по случаю восшествия на престол императора Александра III (1881—1894). Им же было написано поздравительное письмо от эмира к русскому царю (л. 286а—299а).

Служба Сами в качестве мунши после смерти Музаффара продолжалась и при эмире 'Абдалахаде, однако лет через десять-одиннадцать он попал в опалу и был удален от двора. Причина изгнания автора неизвестна, она кроется, по-видимому, в критическом отношении Сами к происходившему при дворе. До нас дошли стихотворения, подвергающие острой критике придворные нравы, обличающие бухарскую знать, предававшуюся праздности и порокам и т. п.²⁶

По словам основоположника советской таджикской литературы С. Айни, встречавшего автора в доме либерального бухарского верховного судьи Шарифджана Махдума, Сами остался без всяких средств к существованию, жил в крайней

²⁶ стр. 325—339. صر الدين عینی، نمونه ادبیات تاجک، مسکو، ۱۹۲۶.

бедности и зарабатывал на жизнь перепиской своих и чужих произведений²⁷.

Год смерти Сами не известен — в Институте востоковедения имеется его автограф, датированный месяцем зу-л-ка'да 1332/сентябрь—октябрь 1914 г. и, следовательно, еще в 1914 г. он был жив²⁸.

Из краткого обзора биографии Сами видно, что большую часть своей жизни он провел на дворцовой службе, хорошо знал жизнь и нравы придворной знати и осуждал привилегированный класс бухарского общества за праздность и пороки. На развитие критического отношения Сами к окружающей его действительности оказало, по-видимому, влияние его общения с передовой бухарской интеллигенцией того времени, собиравшейся в доме Шарифджан Махдума²⁹ (Сами был лично знаком и с Ахмадом Данишем).

Однако дальше критики существующих порядков и знати Сами не пошел и просветителем не стал. Нигде в своих произведениях он не ставит вопроса ни о светской науке, ни о каких-либо реформах в государственном управлении и т. п.

Не понял Сами и прогрессивного значения присоединения Средней Азии к России, хотя в своих произведениях не раз приводил факты, показывающие положительные последствия этого события. Он был враждебно настроен по отношению к русским и считал, что надо использовать любой удобный момент (например, поражение России в войне с Японией), чтобы вернуть завоеванные Россией земли. В связи с этим же в «нелегальной» версии у него имеются хвалебные строки в адрес турецкого султана Абдалхамида II (1876—1909), известного своим стремлением использовать идеологию панисламизма в интересах захватнической политики.

Недоволен Сами и начавшимся проникновением в Среднюю Азию элементов русской культуры, замечая лишь «появление в этой благородной стране ложных религиозных учений»³⁰.

Литературное наследие Сами, о котором мы судим в основном по его рукописным сочинениям, хранящимся в Институте востоковедения АН УзССР, разнообразно по содержанию³¹. Перу Сами принадлежат и поэтические произведения — сборник стихотворений под названием «Мир'ат ал-хайал» («Зер-

²⁷ С. Айни. Воспоминания, стр. 397—398.

²⁸ См. упомянутое издание «Та'рих-и салатин-и мангитийа», стр. 14.

²⁹ С. Айни. Воспоминания, стр. 383—406.

³⁰ См. упомянутое издание «Та'рих-и салатин-и мангитийа», стр. 26.

³¹ Подробно о них см. «Та'рих-и салатин-и мангитийа», стр. 8—13, 17—19.

цало воображения»), посвященный современным автору лицам и событиям (ркп. ИВАН УзССР, № 2188/I), и трактаты по письмоводству — «инша» (ркп. ИВАН УзССР, № 293, 294, 4353), и три исторических хроники. Исторические сочинения Сами, хранящиеся в Институте востоковедения АН УзССР, посвящены мангитской династии в Средней Азии. Одно из них (ркп. № 2188/II) под названием «Дахма-и шахан» («Гробница царей») написано в стихах и представляет собой продолжение сатирической поэмы того же названия известного бухарского поэта Сади́ка му́нши (ум. в 1235/1819—1820 г.) — к аштарханидским правителям Сами добавил мангитских, кончая эмиром Музаффаром³².

Два других — прозаические сочинения. «Тухфа-и шахи» («Шахский подарок») написан в 1317/1899—1900—1320/1902—1903 гг. и «Та'рих-и салатин-и мангитийа...» («История мангитских государей...») — в 1324/1906—1907 г.

Эти две хроники посвящены одному периоду — правлению династии Мангитов, в основном времени эмира Музаффара, однако они существенно отличаются друг от друга.

«Тухфа-и шахи» написана в духе придворных исторических хроник, превозносящих царствующих государей, их предков и их деяния, а «Та'рих-и салатин-и мангитийа» имеет ярко выраженную оппозиционную окраску. Это послужило причиной того, что первый известен в науке как «официальная», а второй как «нелегальная» версия истории³³. Объем «официальной» превосходит объем «нелегальной», так как в ней описываются более ранние события, в частности, многочисленные феодальные мятежи³⁴.

Особый интерес обе версии представляют при изучении периода присоединения Средней Азии к России. Написанные участником событий, они не только дополняют друг друга, освещая одни и те же факты с разных точек зрения, но каждая из них содержит исторический материал, не встречающийся в другой.

Так как научное издание «нелегальной» версии истории имеется, нами взята только «официальная» версия «Тухфа-и шахи», известная пока только по описанию ее в «Собрании восточных рукописей АН УзССР» (т. I, стр. 92, опис. № 235) и по предисловию к упомянутому выше изданию «нелегальной»

³² Описание поэмы Сади́ка Мунши см. СВР, т. II, стр. 333, опис. № 1623.

³³ См. СВР, т. I, стр. 92—93, опис. № 235, 236, и упомянутое выше издание «нелегальной» версии.

³⁴ Сравнение обеих версий истории см. в «Та'рих-и салатин-и мангитийа», стр. 8—13.

версии. Сочинение хранится в Институте востоковедения в единственном списке (инв. № 2091) — рукопись прекрасной сохранности, переписана крупным четким насталиком на кокандской бумаге (до л. 9а текст взят в рамки из красных линий, на л. 2б — 3а текст обведен еще фиолетовой и голубой линиями); содержит 299 л., по 15 строк на странице; размеры 14,5×25,7.

Начало (после басмалы)—л. 1б: **عمران تالیفی اخبارات** منیف سزاوار ستایش قدیمی که آیات بدیع العلامات هیولای وجود انسانی نکاشته قلم قدرت بر کمال اوست
Конец (л. 299б): **قطعه تاریخ لمولفه میرزا عظیم سامی**

در زمانی که کلك معنی سنج کوهر قصه های شاهان سفت
۱۳۱۷
گفتم اورا چه ساختی تاریخی تحفه باشهریار عادل گفت

اللهم اغفر لکاتبه و لقاریه و لمن نظر فیه و طالعہ و صلی اللہ علی خیر خلقه محمد وآلہ و اصحابہ اجمعین برحمتک یا ارحم الراحمین تمت تمام

Переписчик — **میرزا عبد الله کاتب سودائی** — **Мирза Абдаллах Катиб Савдайи** — переписал рукопись 4 раджаба 1348/26 декабря 1929 г. с помощью **ایشان ملا خواجه قالب تراش**

لواح پاچا قلی حاجی کی
Ишан Мулла ходжа-йи галибтараш (мастер по изготовлению форм) лавахха (уборщик рукописи) Пачаклихаджиги и **Мирза Мухаммаджан машшака** (каллиграф) Тупханаги (лл. 299а—б).

Имя переписчика и упомянутых им лиц вклинено в авторский текст после слов **وز (واز) قایلہ** („и от того, кто говорит“, то-есть от автора), связывающих строку стихотворения, не принадлежащего Сами (л. 299а), с последующей хронограммой автора на окончание сочинения (л. 299б).

В начале рукописи имеется титульный лист, на котором в двойном кругу из красных линий приведено название сочинения и указан год завершения его (л. 1б): **کتاب تاریخ**

مسمی بتحفه شاهی در ذکر سلاطین نامدار که بعد از سید ابو
الفیض خان بسلطنت بخارای شریف رسیده اند ۱۳۲۰

«Книга по истории, названная «Шахский подарок», — изложение [истории] известных государей, которые царствовали в благородной Бухаре после сайида Абу-л-Файз хана, 1320/1902—1903 г.».

Еще одна, дефектная, рукопись этого сочинения (всего 25 л.) хранится в Душанбе в отделе востоковедения и письменного наследия Академии наук Таджикской ССР³⁵.

„Тухфа-и шахи“ начинается с традиционного вступления (л. 26—36), в котором автор дает высокую оценку двум наукам: истории (تاریخ) и лексикографии (لغت), сообщает, что с детства увлекался ими и перечисляет исторические сочинения, с которыми он познакомился еще в юности (л. 36—46).

Далее Сами указывает причину, побудившую его взяться за написание настоящего труда, — отсутствие сочинений по истории государей Мавераннахра после вступления на престол Абу-л-Файз хана (1711—1747) до времени автора (л. 5а—б) — и пишет, что в своем сочинении он решил отразить события в Бухарском ханстве с воцарения Мухаммад Рахим Бахадур хана (1753—1758) до эмира Абдалахада (1885—1910) — л. 6а. Однако повествование Сами начинает не с Мангитов: несколько листов посвящает их предшественникам — Аштарханидам ‘Убайдаллах хану (1702—1711) и Абу-л-Файзу (1711—1747).

Примерно половина труда (168 л.) — до эпохи Насраллаха (1826—1860) — представляет собой компиляцию. Однако, если учесть, что Сами был хорошо знаком с восточной, тем более со среднеазиатской историографией, использованной им при написании своей работы (см. вступление к труду — л. 36—46), компилятивная часть «Тухфа-и шахи» также представляет интерес для исследователя.

При описании правления ‘Убайдаллаха хана (1702—1711) Сами рассказывает о феодальной борьбе его с правителем Балха Мухаммад Мукум ханом (л. 8а и сл.) и сообщает о притеснениях Мукум ханом народа Балха (л. 9а).

После убийства ‘Убайдаллаха хана на бухарский престол был посажен малолетний Абу-л-Файз (1711—1747) — л. 9б. Сами подробно освещает борьбу различных временщиков за

³⁵ См. Каталог восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР, т. 1, 1960, стр. 116—118, опис. № 120.

власть при Абу-л-Файзе, среди которых выделился, в конце концов, Мухаммад Хаким бий аталики, отец основателя мангитской династии Мухаммад Рахим бия (л. 10а и сл.). Подробно описывает Сами также восстания феодальных правителей против центральной власти и показывает, какое разорение онинесли трудовому народу. Так, бывший временщик Абу-л-Файза Ибрахим бий сумел поднять против него племена казахов, каракалпаков и китай-кипчаков, которые, по словам автора, в течение семи лет опустошили земли между Самаркандом и Бухарой. В результате этого здесь начался страшный голод. В 1148/1735—1736 г. вымерло почти все население Самарканда («Самарканд стал пустыней»), в Бухаре же, пишет Сами, осталось всего два квартала с людьми (л. 14а).

В это время происходит возвышение упомянутого Мухаммад Хаким бий аталики, назначенного правителем в Карши, и его сына Мухаммад Рахима, которому Абу-л-Файз вверил бразды правления государством (л. 14б). Сами дает лестную характеристику Мухаммад Рахиму и пишет, что «некоторые мыслящие люди» начало правления мангитской династии считают с этого времени (л. 15а).

Подробно описан в сочинении поход Надир-шаха в Среднюю Азию, показаны дружеские отношения между ним и Мухаммад Хаким аталиком и Мухаммад Рахим бием (л. 15б—25б).

Останавливается автор и на феодальном мятеже 'Ибадаллах бий хитая в 1158/1745 г., стремившегося утвердить свою власть в Каттакургане, рассказывает о подавлении мятежа Мухаммад Рахим бием (л. 25б—28б).

После убийства Абу-л-Файза Мухаммад Рахим становится фактическим правителем государства при малолетнем сыне погибшего хана 'Абдалмумине, возведенном им на бухарский трон (л. 32а). Мухаммад Рахима Сами представляет как «мудрого» и «смелого» правителя, покровительствовавшего людям науки и искусства (л. 31а—39а).

Правление следующего мангитского государя эмира Данийала (1758—1785) характеризуется многочисленными феодальными мятежами, подробно описанными в сочинении (л. 39б—56а). Среди мятежей, упомянутых в «Тухфа-и шахи», вызывает интерес восстание прибрежных туркмен племени ирсари, вспыхнувшее в 1176/1762—1763 г. (л. 47б—48а). Сами сообщает, что восставшие напали на Чарджуй и разграбили его. Однако восстание было подавлено; многие из участников его были схвачены и казнены в Чарджуе. Автор называет восставших «бродягами» (اوباش), его отношение к восстанию самое отрицательное.

Наследник эмира Данийала на бухарском престоле — его сын эмир Шахмурад (1785—1800) — нарисован в труде идеальным государем — ученым, набожным, скромным и смелым. Сами и здесь уделяет внимание в основном борьбе Шахмурада с отдельными феодалами, описывает его походы на Мерв, на Мешхед и т. д. (л. 56а—96б).

В том же плане освещается и правление эмира Хайдара (1800—1826) — это политическая борьба государя с мятежными феодалами и с соседними ханствами — Хорезмом и Кокандом (л. 96б—137б). Сами рассказывает про восстание китайкипчаков (л. 124а—126а), пример которых, по его словам, побудил к мятежу и племя каракалпаков, обитавшее около Самарканда. Каракалпаки захватили старую крепость Джарпар (جبار), укрепили ее, собрали там 20 тысяч человек из своего племени и подготовились к сопротивлению. Эмир послал против них войска, которые разрушили крепость и перебили восставших (л. 126а—б).

Коротко упоминает Сами о недолгом правлении сыновей Хайдара — эмира Хусайна (70 дней) и эмира 'Умара. Рассказывает об убийстве 'Умара его братом Насраллахом и о водворении последнего на бухарском престоле.

Эмир Насраллах (1826—1860)³⁶, по описанию Сами, сильный правитель, сумевший покончить с феодальными мятежами в стране и подчинить своей власти земли «от Уратепе до р. Джайхун и оттуда до Кундуза и Бадахшана» (л. 145б). Насраллах, пишет автор, укреплял шариат, соблюдал законы справедливости и улучшал положение своих подданных (л. 145б). Во время царствования этого государя, сообщает Сами, цены на товары были дешевые, и люди жили друг с другом в мире. Единственным внутренним врагом центральной власти оставались кинегесы Шахрисябза, с которыми эмир вел постоянную борьбу (л. 147а—149а); за 25 лет Насраллах совершил 32 похода на Шахрисябз. Годом окончательного покорения Шахрисябза Сами называет 1272/1855—1856 (л. 159а—б).

Автор описывает также поход Насраллаха на Фергану против кокандского хана Мухаммад 'Али хана (1822—1842)³⁷ — л. 149 б и выступление в это время хорезмского хана Аллакули (1825—1842) на Чарджуй.

³⁶ Годом восшествия на престол эмира Насраллаха Сами неверно называет 1243/1827—1828 (л. 144а).

³⁷ В «Истории народов Узбекистана» (Ташкент, т. 2, стр. 167) приведен 1842 г., Сами же ошибочно указывает 1255/1839—1840 г.

Хорошо нарисована мужественная оборона Чарджуя, организованная женой его правителя Раджаб бия (сам он был в то время в отъезде). После двадцатидневной борьбы (уже после приезда Раджаб бия) чарджуйцы прибегли к хитрости: сочинили письмо от имени бухарского эмира, в котором извещалось о том, что он идет на помощь Чарджию, и сделали так, чтобы письмо попало в руки хорезмийцев. После этого враг покинул пределы Бухарского ханства (л. 152б—153а).

Описан в сочинении и поход Насраллаха против Хорезма в 1257/1841—1842 г.³⁸ (л. 155а и сл.).

Сами свидетельствует, что в период правления Насраллаха въезд в Бухару немусульманам был запрещен. Из Бухары же в Россию разрешалось ездить ограниченному числу купцов один раз в год (л. 146б). Несмотря на нетерпимое отношение к иноверцам, Насраллах стремился установить с Россией дипломатические и торговые отношения. Так, Сами сообщает, что в правление Насраллаха из России приезжал посол с целью выразить дружбу Бухаре (л. 166а). Посольство было прекрасно встречено Насраллахом, что удивляет нашего автора, так как, по его словам, в то время «никто из другой религии не приезжал в Бухару», и перед этим в Бухаре был казнен англичанин, осмелившийся приехать в страну (л. 146б).

Насраллах направляет ответное посольство в Россию, возглавляемое Мулладжан мирахуром. Посольство везло с собой много подарков, среди которых были даже два слона (л. 166а).

Подводя итог царствованию Насраллаха, Сами отмечает, что в период его правления «Бухара видела от русских только любовь и дружбу» (л. 166б).

Восшествие на престол эмира Музаффара описано пышными фразами, в тоне панегирика (л. 168а и сл.).

Освещая начало правления Музаффара, автор уделяет внимание, в основном, феодальным мятежам правителей горных княжеств (Шахрисабза, Хисар-и Шадмана и др.) против центральной власти; приводит интересные сведения о совете феодальной знати по поводу выступления против эмира, перечисляет имена участников совещания, указывает на различные мнения, высказанные там, и т. д. (л. 172а—176а).

Правитель Китаба Закир бий, ставленник эмира, известил Музаффара о готовящемся мятеже, и эмир потребовал мятежников в Бухару. Страх перед расправой, по мнению Сами, ускорил выступление феодалов: эмирские хакимы были аре-

³⁸ В «Истории народов Узбекистана» указан 1843 г. (т. 2, Ташкент, 1947, стр. 167).

станованы и вместо них посажены новые (названы имена) — л. 174б.

Говорит Сами и о борьбе эмира с восставшими феодалами и первом успехе его (захвате Яккабага), который не пришлось закрепить в связи с нападением на Джизак кокандского хана Малла-хана (1858—1862). Заключив мир с восставшими, эмир поспешил на выручку Джизака (л. 175б).

Подробно освещено и подавление эмиром феодального мятежа в Хисар-и Шадмане, восставшем вслед за Шахрисабзом в 1280/1863—1864 г. (л. 176б—186а). Автор присутствовал при взятии эмиром Денау, который не сдавался в течение 30 дней.

Вскоре после взятия эмиром Хисар-и Шадмана главы племен опять восстали против него. Причиной этого Сами называет плохое отношение эмирского правителя Абдассаттар инака к населению области (л. 181б). Описанию второго мятежа в Хисар-и Шадмане и подавления его эмиром в сочинении также отведено несколько листов (л. 181б—186а).

Завоевание Средней Азии царской Россией, особенно русско-бухарская война 1866—1868 гг., освещены в труде с большой полнотой (л. 186б и сл.). Перед изложением этих событий автор дает краткий обзор русской истории, обнаруживая довольно слабые знания о ней³⁹.

Сами отмечает, что когда русские укрепились на Сыр-дарье⁴⁰, правители Аулиеата и Ташкента сначала намеревались выступить против них, однако русские не проявляли агрессивных намерений и хорошо относились к мусульманам (л. 188б).

Освещая обстановку в Кокандском ханстве перед вступлением туда русских войск, автор сообщает, что жители Коканда в тот период страдали от притеснений своего правителя Худайар-хана; они восстали против него, и хан был вынужден бежать в Бухару. Этим моментом, по мнению Сами, воспользовались русские и захватили Аулиеата⁴¹. Жители города не

³⁹ Сами, например, пишет, что до 1214/1799—1800 г. «христиане Москвы» находились под властью крымских ханов (л. 186 б).

Автор допускает также грубые ошибки в датах, путает имена исторических личностей. Так, он пишет, что в 1255/1839—1840 г. русский царь Александр решил завоевать Туркестан, назначил главнокомандующим Кауфмана и отправил его на Акмечеть (л. 188а). Во-первых, в 1839—1840 гг. при русском царе Николае I Оренбургским генерал-губернатором В. А. Перовским был совершен первый и неудачный военный поход на Хивинское ханство, а кокандская крепость Акмечеть была взята в 1853 г. не Кауфманом, а тем же В. А. Перовским.

⁴⁰ Создание русских поселений на берегу Сырдарьи Сами также приписывает Кауфману (л. 188б).

⁴¹ Аулиеата был взят М. Г. Черняевым в июне 1864 г., Сами же приводит 1288/1871—1872; здесь, видимо, описка.

оказали сопротивления русским, и Аулиеата был взят без труда (л. 189а).

Далее следует описание наступления царских войск на Ташкент и организации сопротивления врагу. Здесь Сами допускает фактические ошибки. Так, он пишет, что население Ташкента известило кокандского хана Малла-хана (?) о наступлении русских и тот, объявив джихад («священную войну»), отправил из Коканда в Ташкент Мулла Алимкула во главе кокандского войска (л. 189а)⁴². Автор пишет также о храбрости Алимкула, о том, что он постоянно выигрывал сражения с русскими (л. 189б).

Население Ташкента обратилось за помощью также к эмиру Музаффару. Эмир созвал по этому поводу совет, на котором было решено отправиться сначала на Коканд под предлогом восстановления на престоле Худайар-хана (л. 190б). Несмотря на то, что автор старается всячески затушевать захватнические намерения эмира, они очевидны для читателя⁴³. Сами пишет, что эмир обещал помочь ташкентцам и даже отправил к ним (по-видимому, для отвода глаз) некоего Искандар-хана с небольшим количеством людей (л. 190а). Жители Ташкента трижды обращались за помощью к эмиру, и он, наконец, выделил отряд под командованием Рахманкул бек-бия, но было уже поздно — город был взят русскими (л. 191б).

Сами описывает, как после взятия Коканда бухарскими отрядами, которыми командовал Рахманкул бий парваначи, начались бесчинства и грабеж мирных жителей в районах Аспары (اسپره), Вароха (وارخ) и других населенных мест (л. 192б—194а). Сами сообщает, что особенно пострадали от войск Рахманкула киргизы-скотоводы (л. 192б—194а). Стремясь обелить эмира, автор пишет, что Музаффар наказал Рахманкула за это, лишив его имущества и должности (л. 195а).

В дальнейшем изложении событий в Кокандском ханстве Сами опять допускает фактические ошибки. Он пишет, что, вскоре после восстановления эмиром Музаффаром Худайара на престоле, Мулла 'Алимкул и Малла-хан возвращаются в Коканд, Худайар опять бежит в Бухару, а Мулла 'Алимкул, устранив Малла-хана, так как народ был им недоволен, ста-

⁴² При наступлении русских на Ташкент Малла-хана уже не было в живых. В результате дворцового заговора в 1862 г. он был убит; фактическим правителем ханства с 1863 по 1864 г. был Алимкул.

⁴³ Ср. с упомянутым изданием «нелегальной» версии (стр. 59—60 перевода).

новится фактическим правителем ханства. Затем 'Алимкул отправляется на защиту Ташкента⁴⁴.

После этого Сами кратко упоминает о сражении между кокандскими и русскими войсками за Ташкент, сообщает о гибели 'Алимкула и нескольких других кокандских военачальников (имена не названы) и о взятии Ташкента русскими (л. 196б).

Сами рассказывает, что после поражения кокандского войска под Ташкентом эмир Музаффар опять помог Худайару сесть на престол⁴⁵; последний установил дружеские отношения с русскими, за что автор упрекает его, обвиняя в неблагодарности по отношению к Бухаре (л. 198а).

По свидетельству автора, русские в Ташкенте придерживались дружественной политики, не притесняли мусульман, и «это укрепляло связь жителей Ташкента с государством христиан» (л. 198б).

Коротко упоминает автор о взятии русскими Ходжента⁴⁶, принадлежавшего в то время Бухаре, и Чардара — переправочного пункта через Сырдарью, — от которого, как пишет Сами, начиналась граница Туркестана (л. 198а).

В сочинении все время подчеркивается стремление русских установить дружественные отношения с Бухарой. С этой целью губернатор направляет к эмиру посла Чахор Лайли. Сначала посол был принят по всем правилам дипломатического этикета, его поместили в «илчихана» («дом для послов»), расположенный в квартале Акмечеть (آق مسجل), однако, через два дня по совету некоторых сановников его арестовали (л. 199б). Требования губернатора освободить посла были тщетны. Тогда, по мнению Сами, он решил выступить на завоевание Джизака. Автор рассказывает о мерах, предпринятых эмиром для укрепления города: возведение второй крепостной стены, углубление рва с водой вокруг города и концентрация войска и оружия. Сами перечисляет имена бухарских военачальников: Аллаяр диванбеги (правитель Уратепе), Джийан ходжа туксаба (правитель Заамина) и др. (л. 200а).

⁴⁴ Сами сблизил здесь несколько событий, отделенных друг от друга временем: восстановление на престоле Худайара в 1862 г., свержение Худайара с престола в 1863 г. Мулла 'Алимкулом, который стал фактическим правителем при несовершеннолетнем сыне убитого еще в 1862 г. Малла-хана — Султан Сейиде — и завоевание русскими Ташкента (первая попытка — осень 1864 г. и взятие — май 1865).

⁴⁵ Автор опять допускает неточность. Худайар был восстановлен на престоле не сразу после взятия Ташкента (май 1965 г.), а только в 1866 г.

⁴⁶ Завоевание Ходжента (май 1866 г.) Сами неверно называет раньше первого похода Черняева на Джизак (февраль 1866 г.).

Автор подчеркивает, что, выступив на Джизак, русское войско начало не с открытых военных действий, а остановилось в местности Нансангин (в одном фарсах от Джизака), и губернатор пытался убедить эмира освободить русского посла. Получив отказ, русские открыли огонь, но, встретив сильное сопротивление бухарцев, отступили (л. 201б).

После этих событий в Бухаре началось движение среди духовенства и учащихся медресе за газават (л. 202а—203б). Наиболее активные участники движения — Мулла Акрам ходжа Хуканди и Мулла Йа'куб Хутталани (л. 202а—203б).

В сочинении подробно описано, как муллы и улемы собирались в разных местах и убеждали людей выступить на священную войну против русских, а потом огромной толпой во главе с раисом Бухары Ишан Бака ходжа садром отправились к арку и стали кричать «ал-джихад («священная война»). Эмир пытался уговорить духовенство, выслав к ним Сулаймана ходжу, однако муллы избили его, и ему пришлось спастись бегством; затем толпа улемов начала бросать камни и палки в запертые ворота арка (л. 203б).

Под давлением мулл эмир выступил на священную войну (л. 204а). Сначала он отправился в Джизак, куда собрались участники газавата, а затем выступил в Сассыккул, расположенный на берегу Сырдарьи, где разбил лагерь (л. 204б). Сами описывает укрепление лагеря и подчеркивает, что особое рвение проявляли муллы. По его словам, в Майдайулгуне было сосредоточено 30 тысяч воинов. Однако в первом же столкновении с противником это войско было разгромлено, многие погибли, а оставшиеся бежали в Джизак. Эмир с близкими ему людьми сначала отправился в Хавас (л. 205а—206б), где собрались остатки разбитого войска, затем — в Заамин и Джизак (л. 207а).

Далее в сочинении следует описание второго наступления русских на Джизак (приведена дата — 1282/1865—1866 г.) — л. 208б. Автор называет по именам эмирских военачальников, отправленных в Джизак (Бахадур бек бий парваначи, Йа'куб бий кушбеги и др.); сообщает об укреплении крепости и т. д. (л. 209а).

Среди защитников Джизака был полководец, афганец, Искандар хан, который, по мнению Сами, лучше остальных понимал реальную обстановку. Искандар хан предлагал часть войска оставить в крепости, часть вывести и ударить по врагу с тыла. Когда его план был отвергнут, он просил эмиров оставить хотя бы одни ворота незапертыми на случай отступления, но его не послушали (л. 209б).

Сами сообщает, что русское войско, подойдя к Джизаку,

начало переговоры с осажденными, заявив, что оно стремится к дружбе с Бухарой, и просило только освободить русского посла (л. 210б). Мнения бухарских эмиров на этот счет разошлись (противниками мира с русскими Сами называет 'Абдасатар инака и Йа'куб бий кулл-и кушбеги) — л. 211а. Эмир Музаффар, находившийся в то время в Самарканде, готов был удовлетворить просьбу русских, но его отговорил правитель Самарканда Шир 'Али, он надеялся заставить русских вернуть завоеванные земли (л. 211б—212а).

Перед тем, как начать обстрел крепости, губернатор предложил осажденным выйти из укрепления и сражаться в открытом поле один час — победителем будет тот, кто одержит за это время победу. Он предупреждал, пишет Сами, что, обстреляв крепость пушечными ядрами, русские быстро одержат победу (л. 213а).

Получив отказ, русское войско начало обстрел Джизака, продолжавшийся, по словам автора, семь дней. На восьмой день крепостная стена была разрушена, и русские вступили в город, где еще 3 часа продолжалось сражение (л. 214б). После этого русские похоронили убитых, а для раненых устроили в мечетях лазарет (л. 215б). Хакимом в Джизаке губернатор назначил некоего 'Абдалгафура караулбеги, который ранее служил шагирдпишой⁴⁷ управителя Уратепе (л. 216а).

Остатки бухарского войска в самом жалком состоянии добрались до Самарканда: только один Йа'куб бий кулл-и кушбеги ехал на коне, остальные шли пешком (л. 216а).

Подробно освещено в сочинении и завоевание Самарканда. После падения Джизака эмир из Самарканда отправляется в Кермине, сделав главой самаркандского войска правителя Шир 'Али инака. Шир 'Али инак укрепил местность Хишткупрук, недалеко от Самарканда, по дороге в Джизак, поставив там отряды с пушками (л. 217б).

По приказу эмира был освобожден русский посол. Вместе с ним к губернатору был отправлен бухарский посол Наджмадин ходжа мирасад (л. 218а).

Сами сообщает, что жители Самарканда страдали от гнета своего правителя Шир 'Али и несколько раз писали письма эмиру с жалобой на него. В случае замены правителя они обещали ему все до одного выступить на борьбу с русскими (л. 219а).

Официальный характер «Тухфа-и шахи» заставляет автора всячески обелять ставленника эмира Шир 'Али, поэтому он

⁴⁷ Шагирдпиша — люди без чинов, выполнявшие различные поручения у правителей областей и у других крупных чиновников.

обвиняет жителей Самарканда в склонности к смутам, в том, что они своими жалобами эмиру обижали своего правителя⁴⁸.

В ответ на жалобы самаркандского населения эмир отправил туда войска — тысячу сарбазов с пушками во главе с известными военачальниками. Тогда жители Самарканда обратились за помощью к губернатору. Автор называет имена людей, возглавивших это дело: 'Ариф бай, Муминджан, Урунбай и т. д. и называет их «злонравными». По мнению Сами, получение губернатором письма от населения решило вопрос о его походе на Самарканд. Губернатор прибыл с войском в Янгикурган, отправил обратно присланного от эмира посла Наджмаддина мирасада, не заключив с ним мира, и выступил на Самарканд (л. 219б).

В это время в Самарканде собралось много мулл — сторонников газавата, которые узнав об отправлении к губернатору бухарского посла, опять стали подстрекать народ к «священной войне», дойдя до того, что начали избивать на улицах людей, обвиняя их в «неверии» и отступничестве от ислама (л. 220а). Правителю Самарканда Шир 'Али пришлось применить против них военную силу: отряды сарбазов под командованием Муллы Мухаммади бия и 'Усмана-«мусульмана» были направлены к медресе Тиллакари. Муллы встретили их камнями и палками; двое сарбазов были убиты. Сарбазы открыли ружейный огонь по медресе и тем только усмирили фанатиков (л. 222а).

Описывая завоевание русскими Самарканда (1868 г.), Сами рассказывает, что бухарское войско, заметив приближение русских к Хишткупруку, отступило, не дожидаясь боя (л. 223а). К губернатору опять был направлен Наджмаддин мирасад для заключения мира, но тот отказался, заявив, что идет на выручку населения Самарканда, которое попросило его о помощи (л. 223б).

Бухарские войска подготовились к встрече с русскими: укрепили возвышенность Чупаната и реку Зарафшан, сосредоточили здесь пушки и лучшие отряды под командованием Хаджи Руми и 'Усмана-«мусульмана», однако русские неожиданно перешли реку, завязали бой на укреплениях, расположенных на берегу, и разбили мусульман (л. 224б).

Подробно описано в сочинении и сражение за Самарканд (л. 224б—225б). Сами сообщает, что когда русские вступили в город, «некоторые жители (فقرا) Самарканда для сохранения [своей] жизни и имущества устроили препятствия на ули-

⁴⁸ Ср. с освещением этих событий в «нелегальной» версии истории Сами, где он не боялся правдиво излагать события (стр. 67).

цах Самарканда, чтобы преградить путь русским» (л. 225б—226а). Потерпев поражение, бухарское войско (вместе с ним и правитель Шир 'Али) бежало в Кермине.

Сами отправился в дом к своему знакомому, муфтию Самарканда Мулла Камаладдину. Упомянутый муфтий давно симпатизировал русским, и на следующий день после сдачи Самарканда он возглавил делегацию видных людей города (Дамулла Урунбай муфтий, Муминджан и др.) к губернатору, намеревавшуюся установить с русскими дружественные отношения (л. 226б). Губернатор хорошо принял делегацию, обе стороны обменялись дружественными речами (Сами приводит их), и Мулла Камаладдин был назначен главным судьей Самарканда и правителем области (л. 227б).

Автор вскользь упоминает о тяжелом положении народа в Каттакургане и Хатырчи перед завоеванием их царскими войсками. Население этих городов жаловалось эмиру на гнет своих правителей (Йа'куб кулл-и кушбеги в Каттакургане и бывший правитель Самарканда Шир 'Али в Хатырчи), но безрезультатно. Тогда по примеру самаркандцев жители Каттакургана (Сами пишет: «несколько мятежников [из] племен») отправили к губернатору письмо, убеждая его взять Каттакурган и Панджшамбе. Сами старается опровергнуть приводимые им самим факты и пишет, что Шир 'Али и Йа'куб кулл-и кушбеги не притесняли население управляемых ими областей, а просто народ («люди племен») не хотел их правления (л. 228а).

Узнав об этих «беспорядках», эмир назначает правителем Каттакургана Мухаммад 'Умар бий дадхах юза, а для укрепления города в военном отношении направляет в Зирабулак («в одном фарсах от Каттакургана») войска с опытными военачальниками (названы имена).

Когда русское войско подошло к Каттакургану (1868 г.), главы племен вышли ему навстречу и выразили свое повиновение, правитель же города 'Умар бий дадхах бежал в Зирабулак. То же произошло и в Панджшамбе: аксакалы явились к губернатору в Каттакурган, заявив о своей сдаче, а правитель Панджшамбе бежал (л. 228б).

Сами свидетельствует, что после взятия русскими Самарканда, бухарское войско распалось, и воины отправились по своим областям: в Хисар, Карши и т. д. (л. 229б).

Автор подробно останавливается на феодальном мятеже сына Музаффера 'Абдалмалика тюри, который, как видно из повествования, был орудием в руках правителей горных княжеств (Шахрисабз, Хисар и т. д.) в их борьбе за отделение от центральной власти (л. 229а—275а).

Причиной мятежа Сами называет обиду 'Абдалмалика на отца за то, что тот удалил его из Самарканда по наущению правителя Шир'Али и отправил хакимом в Хузар (л. 230а). Обиду 'Абдалмалика использовали в своих интересах крупные феодалы упомянутых горных областей. Сами называет имена зачинщиков мятежа — Худайар ишикагабаши, 'Ибадаллах туксаба и др. (л. 230б). Эмир попытался договориться с феодалами, отправив в Хузар 'Абдалкарима диванбеги, однако тот чуть не поплатился жизнью и тайком бежал в Карши (л. 232а).

После отъезда 'Абдалкарима мятеж разгорается: главы кунгратского племени, знатные люди (بزگان) и аксакалы Хузара поклялись на Коране в верности 'Абдалмалику; отправили письма в Шахрисабз и Китаб, подстрекая их правителей Баба бека и Джура бека к восстанию, и выступили затем из Шахрисабза на Самарканд (л. 233б).

Сами рассказывает об осаде войском 'Абдалмалика тюри самаркандского арка, о прибытии губернатора из Каттакургана и об отступлении тюри (л. 236 а — 238 а). В Самарканде, по словам автора, губернатор устроил «всеобщее избиение» (л. 238 а — б).

В это время между Бухарой и Россией был заключен мирный договор, и граница между двумя государствами была определена по мосту Ширинхатун (л. 238 б)⁴⁹.

Одновременно с осадой войсками тюри Самарканда власть в Ширабаде захватывает Астанакул бек из племени казайак-ли-кунграт (л. 234а—б); эмирские ставленники — хакимы Хисара, Денау, Юрчи, Файзабада и др. — бегут в Бухару. Восстал против эмира и правитель Хутталяна Сара бек (л. 235а — б).

После поражения в Самарканде 'Абдалмалик возвращается в Хузар, где мятеж возглавил Худайар ишикагабаши «чучка» («свинья»). Он разослал по всем областям письма с призывом объединиться вокруг 'Абдалмалика для газавата, так как эмир отказался от борьбы с русскими. По словам Сами, даже некоторые придворные эмира перешли на сторону его сына, и дело дошло до того, что для эмира возникла опасность потерять трон (л. 240а — 241б). Музаффар опять пытается договориться с мятежниками, отправляет к ним того же 'Абдалкарима диванбеги, однако, как и в первый раз, Худайар чучка не допустил разговора его наедине с 'Абдалмаликом, сам вел переговоры. Он обвинял эмира в дурном отношении к

⁴⁹ Ширинхатун — селение, расположенное за Зирабулаком по дороге из Самарканда в Бухару.

сыну и нежелании бороться с русскими. 'Абдалкарим возвратился ни с чем (л. 246а).

Музаффар выступил против сына с войском, дошел до Карши и отправил оттуда отряды под руководством Тагаймурад бия и Йулдаш бий мангита, поручив им схватить 'Абдалмалика. Между бухарскими отрядами и войском тюри произошло столкновение в Фанитепе, не принесшее результатов. Той же ночью Тагаймурад и Йулдаш бий подъехали к воротам Хузара Дарйаабад и договорились с Худайаром ишикагабаши, что он отправит сына эмира в Шахрисабз (л. 247а).

'Абдалмалик переехал в Шахрисабз, где был хорошо принят хакимами, и когда эмир потребовал его выдачи, они стали просить для него прощения. Тогда Музаффар приказал войску выступить на Шахрисабз. Произошло сражение, продолжавшееся три дня; с обеих сторон погибло много людей. На третий день бухарскому войску пришлось срочно покинуть Шахрисабз, так как пришло известие о нападении на Кермине казахского царевича Сиддика тюри (л. 249а).

Сиддику тюре Сами посвящает несколько страниц (л. 250а—251б, 252а—253а). Он сообщает, что Сиддик происходил из казахских ханов, которые после занятия русскими казахской степи бежали и нашли приют в Бухарском ханстве еще во времена эмира Шахмурада (1785—1800). Во время мятежа 'Абдалмалика тюри Сиддик решил воспользоваться моментом, привлек на свою сторону, по словам автора, много казахов-воров и напал на Кермине. В течение нескольких дней Сиддик грабил Кермине и все туманы Бухары, однако, при приближении бухарских войск он поспешил уйти; часть его отрядов попала в руки бухарцев и была казнена (л. 253а).

После ухода бухарского войска тюря овладел Хузаром и поехал в Карши, где был встречен правителем, своим братом Нураддинном, с большими почестями (л. 251б). В это время Сиддик тюря предложил 'Абдалмалику союз; последний согласился и отправил в Бухару отряд из своего войска (л. 252б).

Сами описывает далее столкновение войска тюри с эмирским в местности Чаграти (چغراتى) и отступление эмирских воинов в Читариг (л. 253б). Наконец, по совету Мухаммад Шукур бий инака эмир обращается за помощью к губернатору (автор приводит текст письма) и с помощью русских войск берет Карши; тюря уходит в Ханабад (л. 256б—259б).

Сами описывает последующие злоключения тюри: отказ правителей Шахрисабза и Китаба Баба бека и Джура бека помогать ему (л. 260а), отступление 'Абдалмалика сначала в

Хисар-и Шадман, затем в Каттакурган, Хатырчи, Нурата и, наконец, бегство его в Хорезм (л. 263а). Далее рассказывает о возвращении тюри из Хорезма, переезде в Кабул, а затем в Кашгар, где он жил при дворе Йа'куба бачи (попутно освещается и правление Йа'куба бачи в Кашгаре (1864—1877 гг. — л. 278а—279б). После смерти Йа'куба бачи он переезжает в Кашмир, где находит покровительство англичан (л. 275 а — 279 б).

Сами сообщает о взятии эмиром Ширабада (л. 263б, 264б — 265а), Денау (л. 265б), Хисар-и Шадмана (л. 266а), Хутта-ляна (л. 266б) и Куляба (л. 267а) и завоевании с помощью русских войск Китаба и Шахрисабза (л. 268а—272б).

Правители Шахрисабза и Китаба Баба бек и Джура бек бежали в Коканд, откуда Худайяр хан переправил их к губернатору⁵⁰ (л. 273б).

Сами отмечает, что после всех этих событий дружба между Бухарой и русскими окрепла (л. 281б).

С помощью русских войск были устранены и другие «беспорядки» в ханстве: мятеж, возглавляемый неким Аллаяр беком в Хатырчи (л. 282а—283б), и выступление некоего Бабана в Нахрпae, которого Сами называет «убийцей» и «вором» (л. 283б — 285б).

Выступление Аллаяр бека в описании Сами очень напоминает феодальный мятеж. Предки его были правителями в Хатырчи и Панджшамбе, сам же он служил в Хатырчи нукером и, выбрав момент, собрал отряды и стал грабить население. Затем Аллаяр бек отправился к Джизаку, где и был разгромлен.

Характер выступления Бабана не совсем ясен. Сами пишет, что Бабан, происходивший из племени найман Нахрпая, собрал отряды и стал грабить, в основном скотоводов. Автор подчеркивает, что Бабан присылал письма богачам, требуя у них денег. Бабан сумел собрать вокруг себя значительное число людей и поселился с ними в одном из рабатов по дороге в Самарканд.

Сами называет Бабана «вором» и «убийцей», однако, судя по размаху движения (бухарскому эмиру пришлось даже обращаться за помощью к русским), вряд ли в нем принимали участие только преступные элементы.

⁵⁰ После взятия Китаба бухарским эмиром с помощью русских войск в 1870 г. Джура бек и Баба бек бежали в Кашгар, но по дороге были захвачены кокандским ханом Худайяром и выданы русскому правительству. Оба приняли русское подданство, служили в русской армии на стороне русских. Баба бек умер в 1898 г. в чине полковника, а Джура бек — в 1906 г. в чине генерал-майора русской армии.

В «Тухфа-и шахи» упоминается о поездке в Россию бухарского посольства, возглавленного наследником престола 'Абдалахадом в связи со смертью царя Александра II (1855—1881) и восшествием на престол нового государя, Александра III (1881—1894) — л. 286а — б. Автор называет годом отправления бухарского посольства в Петербург и смерти Александра II 1302/1884—1885, что неверно как в отношении последнего (ум. в 1881 г.), так, по-видимому, и первого, потому что другой бухарский автор Мирза Салим бек говорит, что посольство из Бухары в Петербург было направлено в 1299/1881—1882 г.⁵¹ Приведены письмо к царю, написанное Сами и имена членов бухарского посольства (л. 286 б).

В сочинении говорится о дальнейшем укреплении дружбы между Россией и Бухарой, о проведении в Бухаре телеграфа, постройке магазинов и т. п. (л. 296 б).

В конце сочинения автор сообщает о кончине эмира Музаффара в 1302/1884—1885 г. и восшествии на престол эмира 'Абдалахада (1885—1910) — л. 290а, перечисляет по именам 11 сыновей Музаффара, которые были живы в момент его смерти, и тех, которые умерли раньше (л. 292б — 293а).

На событиях периода царствования эмира 'Абдалахада Сами почти не останавливается, хотя и пишет, что со дня вступления его на престол до завершения автором сочинения прошло 14 лет (л. 298б). Он называет 'Абдалахада справедливым государем, в правление которого не было ни смут, ни мятежей, ни гнета (л. 295а) и царило полное благополучие (л. 298б).

Сочинение «Тухфа-и шахи», хотя написано не по заказу эмира, а по инициативе самого автора, рассчитано, однако, как это видно из введения к труду, на то, что оно будет известно придворным кругам и самому эмиру — царствовавшему в то время 'Абдалахаду. Так, во введении Сами жалуется на отстранение его от придворной должности при 'Абдалахаде и потерю им «высокого положения», которое он занимал при Музаффаре (л. 5б — 7а); обоих эмиров он награждает пышными титулами и добавляет, что единственной причиной, побудившей его написать сочинение, было желание сохранить потомкам «славное имя» эмира Музаффара, и автор не ставит своей целью извлечь из труда какие-то материальные выгоды (л. 7а).

Из всего этого видно, что Сами питал надежду обратить на себя внимание 'Абдалахада и тем улучшить свое положение.

⁵¹ Мирза Салим бек. Та'рих-и Салими, ркп. ИВАН УзССР, № 2016, л. 71б.

Отсюда и тенденциозное освещение истории Мангитов, возведение и идеализация всех представителей этой династии, попытка сгладить все недостатки феодального общества⁵². Последнее особенно чувствуется при освещении автором современной ему эпохи. Так, касаясь положения народных масс в Бухарском ханстве во второй половине XIX в., Сами не может скрыть их страданий от гнета и притеснений феодальных правителей, однако всеми силами старается оправдать последних. Например, выступление населения Самарканда против хакима Шир 'Али иначе он объясняет дурным нравом и склонностью к смутам жителей Самарканда (л. 218б—219а). Такие же пороки Сами приписывает и жителям Хатырчи, взбунтовавшимся против того же Шир 'Али (л. 228а), и населению Каттакургана, поднявшемуся против правителя Яа'куба кулл-и кушбеги (л. 228а).

Сочинение «Тухфа-и шахи» содержит, в основном, политическую историю Бухарского ханства периода правления Мангитов и специально экономических вопросов не затрагивает. Однако, благодаря добросовестному изложению автором событий, в сочинении отражен такой важный момент общественной-политической жизни, как положение народных масс. Из сочинения Сами видно, сколько страданий приносил трудовому народу феодальный строй на всем протяжении правления династии Мангитов и частично затронутых в труде Аштарханидов.

В сочинении показана бесконтрольность правления отдельных феодальных правителей: притеснения народа Мухаммад Мукум ханом в Балхе в правление Аштарханида 'Убайдаллаха хана (1702—1711) — л. 8а; гнет, установленный в Коканде правителем Худайар ханом незадолго до завоевания ханства царскими войсками — л. 188б; самовластие ставленника эмира Музаффара 'Абдассаттар инака в Хисар-и Шадмане (л. 181б), Шир 'Али в Самарканде (л. 219а), Яа'куба кулл-и кушбеги в Каттакургане (л. 228а). Ярко обрисованы бесконечные феодальные междоусобицы, например, семилетняя борьба Ибрахим бия с Абу-л-Файз ханом, в результате которой в Самарканде и Бухаре в 1148/1735—1736 г. вымерло от голода почти все население (л. 14а), или поход эмира Музаффара на Коканд во время наступления русских войск на Ташкент, бесчинства там бухарского войска (л. 192б—194а) и т. п.

Несмотря на то, что сведения о положении народа в Бу-

⁵² Тенденциозность „Тухфа-и шахи“ особенно ярко выступает при сравнении с изданной „нелегальной“ версией Сами „Та'рих-и салатин-и мангитийа“.

харском ханстве на всем протяжении правления Мангитов даны автором мимоходом, они рисуют безрадостную картину его жалкого существования.

О тяжести феодального гнета в Бухарском ханстве во второй половине XIX в. говорит и то, что население ряда городов, не найдя защиты от притеснений своих правителей у главы государства, стало обращаться за помощью даже к завоевателям, к русским, — так было в Самарканде (л. 219б) и Каттакургане (л. 228а); в Панджшамбе аксакалы сами отправились к губернатору в Каттакурган, правитель города бежал, и Панджшамбе перешел под власть русских (л. 228б).

По-видимому, этой же безысходностью положения народных масс в Бухарском ханстве объясняется и непопулярность лозунга «священной войны» против русских, выдвинутого духовенством. Из «Тухфа-и шахи» мы видим, что муллы и улемы пытались заставить народ вступить в «войско ислама» боями и оскорблениями (л. 202а — 203б; 220а — 222а).

Непопулярность лозунга газавата очень показательна, если учесть обстановку Бухарского ханства того времени — абсолютный авторитет религии, беспрекословное подчинение догмам ислама.

Интересной особенностью сочинения является то, что, несмотря на враждебное отношение самого автора к русским, как к завоевателям, на всем протяжении описания русско-бухарской войны 1866—1868 гг., он везде подчеркивает стремление русских избегать лишних жертв при завоевании ханства (л. 198б, 200б, 213а и др.).

К недостаткам «Тухфа-и шахи» следует отнести путаницу с датами и историческими личностями. Однако эти ошибки относятся, в основном, не к бухарской, а к русской истории и к истории Кокандского ханства.

Материалы Саи как современника, очевидца и участника событий завоевания Средней Азии царской Россией, даже при официальном освещении происходивших исторических событий, представляют большую ценность для исследования этого периода.

Глава

Жизнь Бухары второй половины XIX в. запечатлена также в ряде других бухарских источников, освещающих в основном период после русско-бухарской войны и установления над ханством протектората России. Остановливаясь подробно только на той части трудов, которая освещает жизнь Бухары второй половины XIX в., ниже мы приводим краткие описания этих сочинений.

1. «تاریخ سلیمی» История Салими.

Автор—видный бухарский чиновник میرزا سلیم بیک بن محمد رحیم Мирза Салим бек ибн Мухаммад Рахим (по псевдониму Салими), служивший при трех бухарских эмирах—Музаффаре (1860—1885), ‘Абдалахаде (1885—1910) и ‘Алим хане (1910—1920).

Труд Салими охватывает обширный период — от Чингиз хана до революции в Бухаре и установления Советской власти (1920 г.).

Об авторе «Та’рих-и Салими» мы черпаем сведения в основном из его настоящего сочинения и из нескольких среднеазиатских тазкира¹.

¹ قاری رحمة الله واضح، تحفة الاحباب فی تذکرة اصحاب تاشکنت، 1913, стр. 387—432. Сведения о Мирзе Салим беке приведены в дополнении к тазкира Кары Рахматаллаха, сделанном по поручению Салим бека издателем труда ‘Абдалманнаном Ходжи ибн ‘Абдалваххабом и включающим позднейших среднеазиатских поэтов XIX—XX вв. Салим беку в тазкира дана очень лестная характеристика, имя его снабжено пышными эпитетами; приведено также большое количество его стихотворений, на что указывается на титульном листе: تحفة الاحباب فی

Мирза Салим бек родился в 1267/1850—1851 г. в Бухаре в знатной семье, предки которой занимали в ханстве высокие административные должности. В 1287/1870—1871 г. в возрасте 20 лет² по протекции своего дяди 'Абдал'азиз бий ибн 'Алим бек бий дадхаха Салими начинает свою служебную карьеру в качестве писца в канцелярии правителя Нахрпая и Зияуддина, будущего первого везира Бухары Астанакул бек бия (л. 70б). Мирза Салим бек быстро отличился на службе своей грамотностью и способностями и, когда через 6 месяцев эмиру Музаффару понадобилось отправить в Ташкент своего соглядатая, выбор пал на него.

Под видом купца, занимавшегося торговлей китайским чаем, Салим бек прожил в Ташкенте 12 лет, ведя наблюдения за русскими властями. Он завел близкие знакомства с русскими должностными лицами и каждые шесть месяцев приезжал с докладом к эмиру в Бухару (л. 71а).

В 1299/1881—1882 г. Музаффар отзывает его из Ташкента, и Салими некоторое время неотлучно находится при эмире, пользуясь его вниманием и милостями (л. 71б). Года через два, во время пребывания на посту Туркестанского генерал-губернатора Розенбаха (1884—1889), по просьбе Музаффара Мирза Салим бек официально назначается постоянным представителем Бухары в Ташкенте.

В 1303/1885 г. Музаффар посылает Салим бека амлякдаром в туманы Ханкар и Самджин (л. 84б); на этом посту он оставался некоторое время и при эмире 'Абдалахаде. Позже в составе бухарского посольства он едет в Петербург (л. 90а). Эта поездка подробно описана в «Та'рих-и Салими».

В 1306/1888—1889 г. его назначают миршабом Бухары (служил 5 лет) — л. 99б.

В последующие годы происходит постоянное повышение его по служебной линии: получив чин туксабы, Салими становится правителем Яккабага (л. 104а), затем Нурата (л. 111а), Байсуна (л. 114б), Ширабада (л. 115а), Шахрисаб-

تذكرة الاصحاب مع تاريخ كثيره و مجموعه سليمي «Подарок любимым с жизнеописанием друзей» вместе с «Историей, обильной датами» и «Сборником [стихов] Салими». О Салими см. также следующие тазкира: حاجي نعمة الله محترم، تذكرة الشعراء» ркп. ИВАН УзССР, № 2252, л. 114б—115б; ميرزا محمد شريف صدر المتخلص

س ذفتر مسوده ркп. ИВАН УзССР, № 2374, л. 5а.

² Ркп. «Та'рих-и Салими», л. 69б (по этим данным установлен год рождения автора). При дальнейшем изложении ссылки на описываемый труд приведены в тексте в скобках.

за (л. 1236), Чарджуя и т. д., управляя в каждой области по несколько лет.

Революция в Бухаре в 1920 г. застала Мирза Салим бека в должности главного закатчи (глава всех сборщиков заката в ханстве). После революции в числе крупных эмирских чиновников, как сообщают в своих тазкира Шарифджан Махдум и Мухтарам, Салими был арестован, а его имущество конфисковано. Однако, по-видимому, вскоре он был освобожден и даже стал работать в советских учреждениях, что подтверждает хранящееся в Институте востоковедения АН УзССР рукописное сочинение под названием *تحقیقات ارك بخارا* «Исследование Бухарского арка» (инв. № 19), написанное в 1340/1921—1922 г.

В предисловии к этому труду указано, что органами Советской власти было создано «общество по истории» *انجمن تاريخ* в задачу которого входило изучить и написать историю Бухарского арка. Среди семи членов этой комиссии назван и Мулла Мухаммад Салим бек (л. 2б — 3а). Год смерти его не известен.

Кроме упомянутого уже сочинения „Та‘рих-и Салими“, Мирзой Салим беком написано много других прозаических, а также стихотворных произведений не только на таджикском, но и на узбекском языке (перечень некоторых из них с краткой аннотацией приведен в тазкира Кари Рахматаллаха, (стр. 388). В Институте востоковедения АН УзССР имеются следующие труды Салими:

1) *كشكول سليمى و تاريخ متقدمين و متاخرين* [„Дарвишеская“ чаша Салими и история древних и последующих [времен]“ (на таджикском языке). Настоящее название приведено на литографированном издании сочинения (Ташкент, 1912), в котором первые 180 страниц содержат рассказы, иллюстрирующие толкование автором отдельных религиозных формул, вроде *بسم الله* и т. п., а остальные 154 посвящены краткому изложению истории Ирана с древних времен, Средней Азии (с Чингиз хана до бухарского эмира ‘Алим хана), России, Турции.

Рукопись труда, хранящаяся в ИВАН УзССР (инв. № 4714), содержит только *كشكول سليمى*, что соответствует первым 180 страницам литографированного издания.

2) *جامع گلزار* „Собрание цветника“ (ркп. ИВАН УзССР, № 5729). Сочинение представляет собой стихотворный узбекский перевод арабских рассказов религиозно-наставительного содержания, извлеченных из сборника *انيس الجليس*

(„Друг собеседника“) Сайид Джалаладдина Суйути (ум. в 911/1505 г.—о нем см. СВР, IV, 153, № 3000). Перевод осуществлен в 1335/1916—1917 г. (л. 9 а). Кроме упомянутой рукописи, в ИВАН УзССР хранится также литографированное издание этого же сочинения, но в переводе Салими на таджикский язык (Ташкент, 1330/1911).

3) كعب الاخبار حكاية لاری حكايت عبدالله ابن المبارك و حكايت پیغام الله تعالى باموسی علیه السلام „Рассказы о Ка'б ал-Ахбаре, 'Абдаллах ибн ал-Мубараке и рассказ о ниспослании „Всевышним богом благой вести Мусе“.

Легендарные рассказы о Ка'б ал-Ахбаре, написанные на узбекском языке, включают в себя описание религиозных подвигов упомянутого шайха, который прожил якобы четыре тысячи лет, видел четырех пророков и похоронен в Бухаре. Остальные рассказы на таджикском языке, также религиозно-дидактического содержания. Год написания 1327/1909. В Институте востоковедения АН УзССР хранится литографированное издание сочинения (Ташкент, 1331/1912—1913).

4. Сборник стихотворений, включенный в литографированное издание тазкира Кары Рахматаллаха (Ташкент, 1332/1913—1914). Сборник содержит стихотворения, написанные как на таджикском, так и на узбекском языках: касиды (одна посвящена эмиру 'Абдалахаду по случаю его возвращения из Петербурга), марсийа и стихи лирического содержания.

Среди произведений Салими особый интерес для науки представляет «Та'рих-и Салими» (год написания не известен; судя по изложенным событиям, труд создан в 20-е годы XX в.). Уникальный список «Та'рих-и Салими» хранится в Институте востоковедения АН УзССР (инв. № 2016), 231 л., размеры 15 × 26. Переписан на листах кокандской бумаги насталиком и, судя по почерку, двумя лицами³.

Первые 62 л. рукописи представляют собой компилятивное изложение истории Средней Азии от Чингиз хана: Чингизиды (л. 26—56), Тимуриды (л. 56—146), Шейбаниды и Аштарханиды (л. 146—49а) и Мангиты до эмира Музаффар (л. 49а—616). Остальные 169 л. посвящены изложению событий, свидетелем которых был сам автор (л. 61 б—231 а).

Освещая правление эмира Музаффар, Салими рассказывает о его восшествии на престол, сообщает о феодальных мятежах, вспыхнувших в Хисаре, Кулябе, Бальджуане, Карате-

³ В СВР (т. I, Ташкент, 1952, стр. 93, № 237) в описании без ссылок на источник указывается, что рукопись переписана частично рукой самого автора, частично — рукой его сына.

гине, Дарвазе (л. 61б) и описывает жестокое подавление их эмиром (л. 62а).

Салим бек касается также взаимоотношений Бухары и Коканда, упоминает о завоевании бухарским эмиром Уратепе и о водворении на кокандском престоле при поддержке эмира хана Худайара (л. 62а). Салими останавливается на восстании феодалов в Шахрисабзе, с которым Музаффар не мог справиться, и затем переходит к событиям завоевания среднеазиатских ханств царскими войсками (л. 62б).

События завоевания изложены Салими конспективно, всего на трех страницах (т. 62б—63б). Он коротко говорит о выступлении русских войск под командованием Черняева и констатирует факт завоевания ими ряда городов Туркестана, в том числе и Ташкента. Музаффар, по его словам, решив принять участие в газавате против русских, назначил правителем Самарканда своего гуляма Шир 'Али инака, правителем Джизака — Аллах бек диванбеги, а сам с большим войском отправился на берег Сырдарьи. Салими не описывает происшедшего здесь столкновения между двумя войсками, а только замечает, что бухарское войско бежало без боя (л. 62б).

Затем автор переходит к описанию завоевания русскими Самарканда (1868 г.). Отмечая героизм бухарского войска, он говорит, что сражение за город было жаркое, так что «нельзя было отличить друга от врага», и с обеих сторон погибло много людей. Салими сообщает также о письме жителей Самарканда к русским, но в отличие от Сами заявляет, что письмо было написано «самаркандскими иранцами», которые открыли ворота города и впустили русских (л. 63а)⁴.

Когда после сдачи Самарканда был взят Каттакурган, Музаффар отправил в Зирабулак, расположенный недалеко от Каттакургана, войско под командованием Хаджи туксабы Руми и 'Усмана туксабы-«мусульмана» (л. 63а). Между бухарскими и выступившими на Зирабулак русскими войсками произошло сражение⁵, и русские, по словам Салими, были близки к разгрому, однако один из предводителей бухарского войска — 'Усман туксаба — протрубил в карнай отступление и повернул свое войско, а остатки русского войска ушли в Каттакурган (л. 63б).

Автор сообщает далее об отставке Черняева, правильно

⁴ Сами в «Тухфа-и шахи», как было сказано выше, рассказывает, что жители Самарканда, доведенные до отчаяния притеснениями своего правителя Шир 'Али инака, не найдя поддержки у эмира, обратились за помощью к русским (л. 219б).

⁵ Ни Даниш, ни Сами не пишут о сражении в Зирабулаке и о взятии его.

объясняя ее причину, но ошибаясь во времени⁶; рассказывает о прибытии вместо него в Среднюю Азию генерала Кауфмана и о заключении мирного договора (Салими пишет, что для Музаффара не оставалось другого выхода, и он отправил в Каттакурган посла Насир туксаба шигавула с предложением о мире (л. 63а).

После заключения мира (1868 г.), отмечает автор, между Бухарой и Россией стала крепнуть дружба, и ежегодно три-четыре раза происходил обмен посольствами (л. 63б).

Коротко описывает Салими выступление старшего сына эмира Абдалмалика тюри против отца во время войны с русскими (л. 64а—65а) и вспыхнувший вскоре после этого феодальный мятеж кинегесов в Шахрисябзе и Китабе, подавленный эмиром уже с помощью русских войск (л. 68б); сообщает о судьбе правителей Шахрисабза и Китаба — Баба бека и Джура бека, нашедших, в конце концов, приют у русских властей в Ташкенте (л. 68б).

Мирза Салим бек упоминает о поездке в 1299/1881—1882 г. наследника престола Абдалахада в Петербург и называет по именам членов посольства (л. 71б).

В конце царствования Музаффара, пишет автор, эмир согласился на проведение телеграфа в Бухаре. Телеграфную линию от Каттакургана до Бухары проводил некий Назаров, и расходы на это составили 190 тысяч бухарской танги, выданной из казначейства. Однако, доход от телеграфной линии, замечает Салими, получала Бухара (л. 79б).

Мирза Салим бек касается немного и русской истории, отмечая события, которые произошли в царствование русского императора Александра II (1855—1881), а именно: русско-турецкую войну 1877—1878 гг. (л. 77б—78а), завоевание областей Туркестана, земель Бухары до Самарканда и Каттакургана (л. 78а), а также большинства туркменских областей.

Салими свидетельствует, что после завоевания Туркменин там была запрещена торговля рабами, были освобождены рабы и рабыни, а в каждую область назначен мировой судья (л. 78).

В «Та'рих-и Салими» имеется интересное сообщение относительно назначения русского политагента в Бухаре. Так, в бытность Туркестанским генерал-губернатором Розенбаха, как уже упоминалось выше, эмир Музаффар договорился с ним, что Мирза Салим бек будет официальным представителем Бухары в Ташкенте. Губернатор согласился, предложив

⁶ Отставка Черняева произошла не в 1868 г., как считает Салими, а еще в марте 1866 г., после его первого неудачного похода на Джизак.

со своей стороны в Бухару русского «консула» (л. 82а). В Бухару прибыл Чариков. Через некоторое время, в 1303/1885 г., Музаффар отзывает Салим бека из Ташкента в надежде, что русские также отзовут своего представителя, однако, надежды его не оправдались, и с тех пор, отмечает автор, в Бухаре находился постоянный русский консул (л. 84б).

Рассказывает Салими об организации русских почтовых станций в степи Мирзачуль, между Джизаком и берегом Сырдарьи (л. 85а—86б), и называет на этом отрезке две станции: *سردابه* *اوج يغاچ* Сардаба-и Учйагач, расположенную в трех фарсах от Джизака, и *سردابه* *ميرزا* Сардаба-и Мирза—в четырех фарсах от первой станции и в семи от берега Сырдарьи (л. 89а).

Подробно описывает Салими свою поездку в Петербург после восшествия на престол Абдалахада в 1885 г.; рассказывает о посещении там членами посольства театров, музеев, Публичной библиотеки, где им показывали рукописи, и т. д. (л. 90а—91б). Освещает он поездку в Петербург и самого эмира Абдалахада (л. 100а—101б).

Будучи при Абдалахаде правителем многих бухарских областей, Мирза Салим бек привел в своем труде ценные сведения о них по топографии, административному делению, по вопросам орошения и курсу цен на продукты питания и т. п.⁷

Таким образом, сочинение «Та'рих-и Салими», начиная с эпохи Музаффара, носит мемуарный характер. Исторические факты приводятся на фоне воспоминаний автора. Салими рассказывает в основном о тех событиях, свидетелем и участником которых был он сам, что увеличивает ценность приводимых им сведений.

Мирза Салим бек кратко и неполно (в сравнении с Данишем и Сами) описывает завоевание Бухарского ханства войсками царской России, однако он полнее освещает его последствия.

Часто соприкасаясь по поручению эмира с русскими властями, Салими хорошо показал взаимоотношения между Бухарой и Россией—внешнюю независимость ханства, а в действительности полное подчинение его Российской империи (пример с назначением в Бухару русского консула). Подробно останавливаясь на обмене посольствами и частых поездках эмира в Петербург, сообщая о прибытии в Бухару русских специалистов, например, при строительстве телеграфа, и т. п., Са-

⁷ См. например, описание области Яккабаг, которой Салими управлял с 1311/1894 г. (л. 104б—108а—б); Нурата (л. 111а—б); Байсун, куда был назначен в 1320/1902—1903 г. (л. 114б) и др.

лими отмечает хозяйственное и культурное сближение двух государств.

Положительными результатами завоевания, согласно Салими, явились отмена рабства и ликвидация феодальных междоусобиц.

Однако из сочинения видно, что внутренняя жизнь в ханстве после завоевания почти не изменилась: тот же административный аппарат управления, та же неограниченная власть эмира над своими подданными, тот же паразитический образ жизни правящей верхушки бухарского общества, а следовательно, и тот же гнет для народа, который так ярко показан в сочинении Даниша. Сам Салими в силу своего высокого положения был далек от критического отношения к окружающей его действительности, поэтому в своем труде он не затрагивает вопроса о положении простого народа в Бухаре.

К недостаткам «Та'рих-и Салими» следует отнести неточности в отношении исторических фактов — времени действия некоторых русских должностных лиц в Средней Азии (например, Черняеву приписывается взятие Самарканда) и др.

* * *

II تاريخ „История“ известного бухарского казия, просвещенного эмирского чиновника, литератора и историографа Мухаммад Шариф садра Зийа, запечатлевшего в своих сочинениях не столько само завоевание, сколько культурную, политическую и экономическую жизнь в ханстве после него.

ميرزا محمد شريف صدر المتخلص بالضيء ابن داملا عبد الشكور صدر
Мирза Мухаммад Шариф садр ибн Дамулла 'Абдашшукор садр по псевдониму Зийа (известный еще по имени Шарифджан Махдум), родился 27 рамазана 1283/2 февраля 1867 г.⁸ в Зияуддине, куда незадолго до этого прибыл его отец, назначенный сюда казием.

⁸ Дата рождения приведена самим Мухаммад Шарифом в составленной им биографии отца (см. ркп. ИВ АН УзССР, № 1304/IV, л. 1016). Основным источником биографических сведений об авторе является его «Дневник» (روز نامه) — ркп. ИВ АН УзССР, № 2277. Отдельные сведения о жизни Шарифджана Махдума встречаются и в других его сочинениях (ссылки на них даны при изложении его биографии). Из среднеазиатских тазкира о Шарифджане упоминают следующие: قارى رحمة الله واضح، تحفة الاحباب فى تذكرة الاصحاب

Отец Мухаммада Шарифа происходил из ремесленников⁹, однако дед автора сумел дать ему хорошее по тому времени образование, и, тот, благодаря своим способностям, после окончания медресе стал мударрисом, затем казием, раисом Бухары¹⁰, ры и, наконец, кази-каланом (верховным судьей) Бухары¹⁰, эту должность он занимал до самой смерти в 1306/1888—1889 г. 'Абдашшукур был очень богатым человеком, о чем свидетельствует описание пышной свадьбы сестры Мухаммад Шарифа, продолжавшейся 15 дней. Приглашенный на свадьбу эмир от самых ворот арка до места приглашения (квартал Зайан) ехал по специально расстеленной дорожке, а отец автора осыпал его серебряными монетами, во дворе же дома, где происходила свадьба, — золотыми.

Через несколько лет после смерти отца в 1310/1893 г. Му-

Ташкент, 1332/1913—1914 г., стр. 311—312 افضل مخلوم پير مستى
ابن محمد اشرف الصديقى، افضل التذكار فى ذكر اشعرا
Ташкент, 1336/1917—1918 г., стр. 78 и сл.

ркл. ИВ АН УзССР, № 64, л. 103 и сл. عبد الله خواجه عبدى، تذكرة
الشعرا

ркл. ИВ АН УзССР, № 2252/II, л. 1256 и сл. حاجى نعمة الله محترم،
تذكرة الشعرا

Имеется также ряд исследований о Мухаммаде Шарифе и упоминаний о нем в работах советских ученых: С. Айни. بخارا انقلابى نك تاريخى
ркл. ИВ АН УзССР, № 36, лл. 267а, 324б; Его же. Намуна-и адабиёти тоҷик, М., 1924, стр. 399—405. Его же. Воспоминания. М., 1960, стр. 381—406, 415—421; Р. Хадд-Заде. Источники к изучению таджикской литературы второй половины XIX века, Таджикгосиздат, 1956, стр. 62—69. З. Раджабов. Выдающийся просветитель таджикского народа Ахмад Дониш, Таджикгосиздат, 1961, стр. 75, 84; У. Хамроев. Бир шахсий кутубхона ва унинг каталоги ҳақида, Научные работы и сообщения, кн. 6. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963.

⁹ Мирза Салим бек в „Та'рих-и Салими“ со слов самого 'Абдашшукура сообщает, что отец его был „отбельщиком тканей“ (شستگر), за что Абдашшукура дразнили в медресе; впоследствии люди также —злословили при получении им должности мударриса, раиса и т. д. (ркл. ИВАН УзССР, № 2016, л. 102а—103а).

¹⁰ Мухаммад Шариф приводит разные годы получения его отцом должности кази-калана: в написанной им биографии отца он называет 1296/1878—1879 г. (ркл. ИВАН УзССР, № 1304/IV, л. 103а), в своем «Дневнике» указывает 1299/1881—1882 г. (ркл. ИВ АН УзССР, № 2277/II, л. 326).

хаммад Шариф также был привлечен на службу к эмиру и получил должность казия в тумане Хайрабад¹¹.

Современники пишут о Мухаммад Шарифе как о человеке образованном, прекрасном каллиграфе, ценителе талантов, обладателе богатой библиотеки¹². С. Айни, живший одно время еще мальчиком в доме Шарифджана, сообщает, что три раза в неделю у него собирались образованные люди Бухары, поэты и любители литературы. С. Айни подчеркивает, что на этих собраниях обсуждались не только вопросы литературы, но и «недостойные поступки представителей власти и привилегированных слоев бухарского общества»¹³.

Однако, несмотря на свое образование и близкое общение с передовыми людьми того времени (например, Даниш и др.), Мухаммад Шариф не стал по-настоящему прогрессивным человеком; этому препятствовала, по-видимому, боязнь лишиться сословных привилегий. Так, например, когда в 1316/1898 г. он был отстранен эмиром Абдалахадом от должности (причина не известна), с целью вернуть расположение монарха он написал в его честь хвалебную касиду¹⁴.

Должность казия различных областей Шарифджан Махдум занимал вплоть до Бухарской революции 1920 г. В 1917 г., в период Февральской буржуазной революции в России, эмир Алимхан под давлением местной буржуазии дал обещание провести ряд реформ.

Были сменены некоторые духовные и светские сановники, в том числе и кази-калан Бухары Бурханаддин. Вместо него Алимхан назначил Мухаммад Шарифа, который был известен своими либеральными взглядами. Однако в должности кази-калана Мухаммад Шариф пробыл недолго, всего несколько месяцев — с 15 джумада II 1335/8 апреля 1917 г. по 20 зул-хиджа 1335/7 сентября 1917 г. Вскоре, в связи с отказом эмира от своих обещаний провести реформу, Шарифджан Махдум был отправлен казем в Карши¹⁵.

Во время «колесовских» событий в Бухаре Мухаммад Шариф, подозреваемый эмиром в сочувствии революции, был арестован вместе со своим братом. Через два месяца его ос-

¹¹ Список городов и областей, в которых автор побывал на посту казия в течение своей жизни, приведен в его рукописи-автографе, хранящемся в ИВАН УзССР, под инв. № 2315/1, л. 0а.

¹² О библиотеке Шарифджана Махдума см. статью У. Хамраева: «Бир шахсий кутубхона ва унинг каталоги хақида», Научные работы и сообщения, кн. 6, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963.

¹³ С. Айни. Воспоминания, стр. 399.

¹⁴ Об этом событии он сам сообщает в «Дневнике», روزنامه-р-кп. ИВАН УзССР, № 2277, л. 82а.

¹⁵ См. упомянутый «Дневник», л. 202а, 205а.

вободили, взяв расписку на два миллиона, и назначили казначей в Шахрисабзе под присмотром тамошнего правителя, дяди эмира Акрам хана тюрк¹⁶.

После революции в Бухаре в 1920 г. и установления Советской власти Шарифджан Махдум работал в различных советских учреждениях и умер в 1931 г.

В Институте востоковедения АН УзССР имеется много трудов Мухаммада Шарифа, собранных в девяти рукописных томах, переписанных его рукой.

Сочинения Мухаммада Шарифа, в основном исторического и литературного характера, представляют собой ценный материал для изучения истории, а также литературной жизни Бухары второй половины XIX — XX в., однако, к сожалению, до сих пор еще недостаточно изучены¹⁷.

Из исторических трудов его в ИВАН УзССР хранятся следующие:

1) [تاریخ], „История“¹⁸, имеется два списка: № 2241/II и 1304/II¹⁹.

Сочинение представляет собой конспективное изложение истории ряда государств: Османской империи с 650/1252—1253 г. до XX в. (ркп. 2241/II, л. 66—356); Средней Азии от Тимура (1370—1405) до Бухарской революции в 1920 г. (л. 36а—110б); Афганистана и Ирана — от основателя Афганского государства Ахмад шаха Дуррани (1747 г.) и до XX столетия (л. 111а—141б); России от Рюрика, с 862 г. христианского летоисчисления до свержения с престола Николая II в 1917 г.²⁰

2) منتخب التواریخ „Извлечение из историй“ (ркп. №2193/V, лл. 59б—88а), имеется две даты—1344/1925—1926 г. (л. 162а) и 1347/1928—1929 л. (л. 54а)²¹.

Труд состоит из двух частей. Первая посвящена доисламским пророкам и легендарным царям древнего Ирана (Афрасиаб, Кейкавус и др.), средневековым царям Ирана, Саффа-

¹⁶ См. «Дневник», л. 231а—б.

¹⁷ Тазкира и баязы Шарифджана Махдума были привлечены для исследования истории таджикской литературы в работе Р. Хади-Заде «Источники к изучению таджикской литературы второй половины XIX века».

¹⁸ Заглавия сам автор не дал, поэтому оно приводится условно. В каталоге „Собрания восточных рукописей ИВАН УзССР“ рукопись названа دفتر مسوده. Черновая тетрадь“, т. VI, стр. 553, № 4998.

¹⁹ СВР, т. VI, стр. 553, № 4998 и стр. 44, № 4191.

²⁰ Подробно об этом сочинении будет сказано дальше в связи с освещением Шарифджан Махдумом истории Бухары 2-й половины XIX в.

²¹ СВР, т. V, стр. 423, № 4155.

ридам, Саманидам, Газневидам, Сельджукидам, Хорезмшахам, царям Табаристана, Гуридам. Вторая начинается с четырех правоверных халифов, излагает краткую историю арабского халифата (Омейяды, Аббасиды), опять Саманиды, Газневиды, Чингизиды, Тимуриды, династия Великих моголов.

3) تاریخ مختصر ایران و بیان احوال سلاطین آن از گفته میرزا محمد علیخان

„Краткая история Ирана и описание жизни ее государей со слов Мирзы Мухаммад ‘Али хана“. Труд находится в упомянутой сборной рукописи (инв. 2193/VII, л. 146б—162а) и представляет собой сжатое изложение истории Ирана с древних времен до установления конституционной монархии в начале XX в. (содержит 16 глав). Извлечение из труда Мирзы Мухаммад ‘Али хана выполнено Мухаммад Шарифом в 1344/1925—1926 году.

4) سلسله آل عثمان دولت ترکیه از گفته مؤرخ رومی عباس شهیر بشیروانی

„Генеалогия османских правителей Турции по словам турецкого историка ‘Аббаса Ширвани“ (ркп. № 2193/VIII, л. 162б—174а). Извлечение из труда турецкого историка ‘Аббаса Ширвани, в котором приведена краткая история османских государей Турции до начала XX в.

5) سلسله خان گیتی ستان چنگیزخان و بیان احوالات سلاطین اولاد آن

„Генеалогия завоевателя мира Чингизхана и жизнеописание государей—его потомков“ (ркп. № 2193/X, л. 176б—220б). Краткое изложение истории Средней Азии от Чингизхана и Чингизидов до установления Советской власти в Бухаре в 1920 г.: Тимуриды (л. 177б—179а), Шейбаниды (л. 179а—182б), Аштарханиды (л. 182б—188б) и Мангиты (л. 188б—220б).

События от Тимура до конца труда представляют собой повторение упомянутой выше «Истории» (ркп. № 2241/II и 1304/II) с небольшой стилистической редакцией.

6) ذکر اوایل بخارا

„Упоминание о появлении [города] Бухары“ (ркп. № 2193/XI, л. 225а—229а). Извлечение из трудов средневековых историков (Наршахи и др.) сведений, относящихся к исторической топографии Бухары и ее окрестностей.

7) بیان قبایل و اوروغ و تقسیم آن

„О племенах и родах и их делениях“ (ркп. № 2193/XII, л. 229—231а). Перечисление тюркских народов с легендарным объяснением их происхождения от сына Ноя Яфеса.

ذکر منصب و عملهای سلاطین اوزبکیه که از عهد 8)
چنگیزیه تا انقراض آن معمول بود

„Упоминание о чинах и должностях узбекских государей, которые были в употреблении при Чингизидах“ (ркп. № 2193/ XIII, л. 231a—233a).

Настоящее сочинение представляет собой еще один список «Бухарского трактата о чинах и званиях» XVIII в., перевод которого по другой рукописи ИВАН УзССР (инв. № 2374, л. 17a—19b) издан проф. А. А. Семеновым²².

9) بیان تقسیم و تسویه آب بخارا و محکومات بخارا
و تصرفات آن تعلق باتالیق دارد اینست

„О распределении вод Бухары и подвластных ей районов распоряжение которыми (т. е. водами) находится во власти аталика“ (ркп. № 2193/XIV, л. 233a—b).

Названное сочинение представляет собой часть упомянутого «Бухарского трактата» и сокращенное изложение письма эмиру от казия Каракуля Абдалвахида (ркп. ИВАН УзССР, № 2260, л. 93b—95a)²³. Заметка содержит ценные сведения экономического порядка, имеющие отношение к истории орошения земель в Бухарском ханстве в период правления эмира Хайдара. Автор указывает, что в то время вода, протекающая через Кермине, делилась на 22 части, и каждая часть была рассчитана на тысячу танабов земли, составлявших один туман.

Шарифджан Махдум сообщает далее, как упомянутое количество воды распределялось по туманам Бухары, отмечает запущенное состояние ирригационного дела, говоря, что никто даже из специальных чиновников (عمال — уммалов) не знает порядков распределения вод в Бухаре.

Литературные сочинения Шарифджана Махдума — это, в основном, его труды по истории таджикской литературы (таз-кира, баязы и т. п.), освещающие, главным образом, его время. Исследованию их с привлечением рукописей ИВАН УзССР посвящена специальная глава в указанной выше работе Р. Хадди-заде «Первоисточники по истории таджикской литературы второй половины XIX века» (стр. 62—63), поэтому здесь мы ограничимся только кратким перечислением их.

²² А. А. Семенов. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях посетителей их в средневековой Бухаре, Советское востоковедение, V, М.—Л., 1948.

²³ В своем письме казий Абдалвахид ссылается на упомянутый «Бухарский трактат», изданный А. А. Семёновым.

1). Стихотворная антология под названием تذكار الاشعار „Собрание стихов“, самая распространенная из его литературных трудов (ркп. №1304/1, л. 16—17а), составлялась, по-видимому, с 1324/1906—1907 гг. по 1910 г. Рукопись ИВ АН УзССР, переписанная в 1350/1931 г., является, как указал сам автор в послесловии (л. 17а), сокращенным вариантом антологии. Преобладающую часть в ней занимают видные представители таджикской литературы второй половины XIX и начала XX в²⁴.

2). بياض „Байаз“ (ркп. № 2315/III, л. 24а—176б) содержит стихи как классиков таджикской литературы, так и современных автору поэтов (Даниш, Савда, Музтариб и др.).

3). Прозаическая антология (ркп. № 2193/XIX), состоит из двух частей:

а) تذكرة شعراء متقدمين و سلاطين معاصرين و
بزرگان متورعين

«Антология древних поэтов, современных государей и великих благочестивых людей» (л. 270б—320б);

б) شعراء متأخرين و فضلا معاصرين راقم عديم القدر ضياء صدر
«Поэты позднейших времен и ученые-современники ничтожного пишущего эти строки Садра Зийа» (л. 321б—337б)²⁵. Ряд стихов самого Шарифджана Махдума, а также его современников содержится в его черновых тетрадах²⁶.

Имеются у Шарифджана Махдума сочинения биографического характера.

1). Самым крупным из них является его автобиографический труд под названием روز نامه „Дневник“ (ркп. № 2277, 260 л.)²⁷. Рукопись-автограф содержит описание событий, происходивших в Бухаре с 1306/1888 года (л. 1а) по 1348/1929—1930 год и, кроме сведений о самом авторе, сообщает о его современниках (например, о поэте Хаджи 'Азиме Шар'и—л. 48, о Данише, Сами и др., о ряде сановников и т. д.).

В этом труде автор приводит интересный исторический материал по Бухаре второй половины XIX и начала XX в.

²⁴ См. также СВР, т. VI, стр. 57, № 4199.

²⁵ СВР, т. V, стр. 423, № 4155.

²⁶ СВР, т. VI, стр. 552, № 4996; стр. 553, № 4997 (ркп. № 2374, 2367).

²⁷ СВР, т. I, стр. 173, № 403. В ИВ АН УзССР имеется второй, незаконченный список этого труда с некоторой редакцией текста—ркп. № 1304/IX (л. 117б—180а); вся эта сборная рукопись—автограф.

Так, он говорит об условиях орошения тумана Хутфар (حتفر) и соседних с ним земель (Камат и Самджин) до 1895 г. (л. 50б, 52а—53а); о строительстве русскими моста через Амударью в 1318/1900—1901 г. (л. 91б); приводит договор, заключенный между Бухарой и Россией, называя неправильный 1282/1865—1866 г., по которому предусматривалось строительство железных дорог, телеграфа и т. п. (л. 91а—б); рассказывает о суннитско-шиитской резне в 1328/1910 г. в Бухаре (л. 141б—145а); о „колесовских“ событиях (л. 206б), о революции 1920 г. (л. 234а), о басмачах в 1340/1921—1922 г. и т. д. Попутно с описанием внутренней жизни ханства автор касается и внешних событий, происходивших в других государствах: в Турции (л. 64а—76а), в Афганистане (л. 94а—б); описывает русско-японскую войну 1905 года (л. 110а—128б) и т. д.

2) Биография самого Мухаммада Шарифа, озаглавленная им: ارگزارشات احوال بنده شکسته بال المتخلص بالضیا میرزا محمد شریف صدر بن اقضى القضاة داملا عبد الشکور صدر.

„О событиях жизни опечаленного раба“ по псевдониму „Зийа“, Мирзы Мухаммада Шариф садра ибн „акза-ал-куззата“ Дамулла ‘Абдашшукур „садра“ — рукопись № 1304/VI, (л. 123а—152а). Автор повторяет в основном сведения, приведенные им в его упомянутом выше „Дневнике“, однако с добавлением стихотворений своих современников и рассказов, относящихся к литературной жизни Бухары его времени (примерно, с л. 137а до л. 152а). Написана, по-видимому, как и вся эта сборная рукопись-автограф, в 1350/1931 г.²⁸

3) Биография отца: ترجمه احوال قاضی عبد الشکور. „Биография казия ‘Абдашшукура“ — рукопись № 1304/IV, л. 98б—114а²⁹.

4) Биографии отца и деда матери — ркп. № 1304/V, л. 116б—122б;

5) Биографии средневековых ученых (Фараби, Авиценна и др.) с перечислением написанных ими трудов — ркп. № 2193/XX, л. 338б—408а.

У Мухаммада Шарифа имеется несколько географических сочинений:

1) رساله منتخب در تعیین بلاد مشهوره

²⁸ При упоминании других сочинений этой сборной рукописи датировку ее не повторяем.

²⁹ СВР, т. VI, стр. 61, № 4205.

„Избранный трактат об известных городах“. Труд представляет собой описание таких городов, как Мекка, Медина, Балх, с приведением легендарных рассказов о них, с описанием святынь, мечетей и т. п. (ркп. № 2193/VI, л. 90а—144б).

2) منتخب جغرافيه و نفوس ممالك روى زمين

„Краткая география и численность населения стран мира“ —рукопись-автограф № 2241/1 (л. 1а—5б), написана в 1340/1921 г.³⁰. Труд представляет собой конспективное географическое описание отдельных стран мира и данные о численности их населения.

Кроме упомянутых произведений, перу Шарифджана Махдума принадлежит много небольших трудов, отдельных записей и черновых тетрадей, представляющих интерес с точки зрения изучения истории культуры Бухары того времени. Среди них ряд тазира (жизнеописаний):

1) تذكرة الخطاطين „Тазкира каллиграфов“, где приведены сведения об известных каллиграфах Востока, в том числе и современных автору (рукопись-автограф, № 1304/III, л. 67б—97б, написана в 1350/1931³¹ г.)

2) رساله خطاطان نستعليقى و اسامى كاتبان مشهورى

„Трактат о каллиграфах, писавших [почерком] насталик и имена известных переписчиков“ (ркп. № 2193/XVIII, л. 248а—269б).

3) ذكر چند نفر علما متبحر نامدار و فضلاى متفرد صاحب اعتبار

„Упоминание о нескольких с глубокими познаниями улемах и авторитетных, единственных в своем роде ученых“ (ркп. 1304/VII, л. 153а—158а). Автор сообщает о жизни ряда ученых Бухарского ханства XIX в.

4) تذكرة الحمقا „Тазкира невежд“. Сочинение содержит сведения о позднейших бухарских „ученых“, которые, по словам автора, не приобрели достаточных знаний и не имеют ума, а между тем занимают высокие должности в государстве (ркп. № 1304/VIII, л. 159б—176б).

5) تايخ آثار عتيقه و بناهاى قديمه بخاراى شريف

„История памятников старины и древних зданий благородной Бухары“. Труд представляет собой в основном перечень бухарских медресе и мечетей, с указанием даты их строительства (рукопись-автограф, № 2193/XIV, л. 243а—246б).

6) ذكر اسامى مدارس داخله بخاراى شريف

³⁰ СВП, т. VI, стр. 553, № 4998.

³¹ СВП, т. VI, стр. 58, № 4200.

„Упоминание наименований медресе, [расположенных] внутри благородной Бухары“ (ркп. № 2193/XXI, л. 422б—434а).

Список медресе (206 названий) приведен на разграфленном листе: в первой колонке — порядковый номер, во второй — название медресе, в третьей — название квартала, в котором расположено медресе, в четвертой — количество худжр и в пятой — примечания автора (чаще всего указано, в правление какого государя медресе построено).

Шарифджан Махдум, как указывалось выше, был большим книголюбом и собрал немало ценных списков. Сделанное им описание своего собрания хранится в ИВАН УзССР (рукопись-автограф инв. № 2460, 198 л.)³².

В Институте востоковедения имеются две черновые тетради Шарифджана Махдума (инв. № 2367 и 2374), содержащие записи разнообразного содержания: стихи средневековых поэтов, самого автора и его современников; рассказы и анекдоты известных поэтов (Навои, Бениан и др.); образцы оформления юридических (казийских) документов; указанный впереди «Бухарский трактат о чинах и званиях...» (ркп. 2374, л. 17а — 19б) и т. п.³³

* *

*

Теперь остановимся на освещении Мухаммад Шарифом истории Бухары второй половины XIX в. Из упомянутых исторических трудов систематическое, хотя и конспективное изложение истории Бухарского ханства содержится в сочинении, условно озаглавленном нами تاريخ „История“³⁴.

Труд представлен в ИВАН УзССР двумя рукописями-автографами. Наиболее ранняя (инв. № 2241/II) датируется, примерно, 1340/1921 г. и содержит 147 л. (л. 6б — 152б), размеры 12×20,5.

Другой список (ркп. № 1304/II, л. 18б — 66а) написан в

³² СВР, т. V, стр. 412, № 4143; см. также упомянутую выше статью У. Хамраева.

³³ Описание указанных «Черновых тетрадей» Шарифджана Махдума см. СВР, т. VI, стр. 552, № 4996; стр. 553, № 4997.

³⁴ Исторический труд Мухаммада Шарифа под названием سلسلة خان گيتيستان چنگيزخان و بيان احوالات سلاطين اولاد آن „Генеалогия завоевателя мира Чингиз-хана и жизнеописание государей—его потомков“ повторяет, как уже было сказано, „Историю“.

1350/1931 г., размеры 19 × 25,5. Расхождений между обоими списками нет, кроме редакторской правки отдельных фраз; поэтому изложение описанных Шарифджан Махдумом событий мы приводим по раннему списку (инв. № 2241/II).

Мы не будем повторять здесь приведенную выше характеристику всего сочинения и остановимся на периоде завоевания Средней Азии царской Россией и жизни страны после этого события (л. 94а — 106а).

Автор сообщает, что восшествие Музаффара на престол ознаменовалось феодальными мятежами в Хисаре, Кулябе и Бальджуане, Каратегине и Дарвазе. Выступив против мятежников, пишет Шарифджан Махдум, эмир воскресил времена Чингизхана, в крови потопил восстания, не пощадил ни молодых, ни старых (л. 94б).

Автор сообщает также о взаимоотношениях между Бухарой и Кокандом, о поддержке эмиром Худайар хана в его борьбе за кокандский престол и о восстании против Музаффара кинегесов в Шахрисабзе и Китабе (л. 95а).

Завоевание царскими войсками Бухарского ханства передано в сочинении очень кратко. Несколькими фразами Шарифджан Махдум сообщает о выступлении русского войска под командованием Черняева на Ташкент и о захвате им города. Эмир, приняв решение участвовать в газавате, в 1282/1865—1866 г. назначает правителем Самарканда Шир 'Али инака, Джизака — Аллаяр бек бия диванбеги, а сам отправляется с войском на берег Сырдарьи в местность Сассиккул.

Однако, подчеркивает автор, несмотря на малочисленность русских и многочисленность войска ислама, мусульмане бежали. Мухаммад Шариф одной из причин поражения бухарского войска³⁵ называет мятеж ['Абдал] малика тюри, поддержанный в Карши и Хузаре (л. 97а), который, по его мнению, расколол силы бухарского войска и отвлек от основного врага. Причина поражения, по мнению автора, заключалась также в том, что войско газавата представляло собой сброд «безголовых», «безродных» и «невежественных людей», неспособных к военным действиям, которые первыми бросились бежать от русских (л. 97б). И, наконец, последняя причина — назначение эмиром Музаффаром во главе войска своего гуляма Шир 'Али инака, который не пользовался, по словам автора, популярностью у племен Бухарского ханства³⁶ (л. 97б — 98а).

³⁵ Ср. с «Рисала» Даниша, л. 266—276.

³⁶ Причина этого, по-видимому, кроется, как это видно из сочинения Сами «Тухфа-и шахи», в злоупотреблении Шир 'Али инаком своей властью на посту хакима и притеснении им народа сначала в Самарканде (л. 219а), затем в Хатырчи (л. 228а).

После поражения на берегу Сырдарьи Музаффар возвращается в Самарканд, затем едет в Бухару, а русские тем временем выступают на Джизак. Мухаммад Шариф описывает сражение за Джизак, отмечая смелость и мужество его защитников (в том числе правителя города Аллаяр диванбеги), гибель большого количества людей с обеих сторон и, наконец, сдачу города (98а).

Кратко останавливается автор и на взятии русскими войсками Самарканда, пишет о гибели правителя Шир 'Али инака³⁷. Затем Мухаммад Шариф констатирует взятие Каттакургана и Панджшамбе (л. 98а); упоминает о сражении при Зирабулаке и заключении после этого мирного договора между Бухарой и Россией (л. 98б). Этот договор, отмечает Мухаммад Шариф, способствовал сближению Бухары и России; установился постоянный обмен посольствами, оживилась торговля (л. 98б). С помощью русского государства, пишет автор, в 1288/1871—1872 г. был взят Шахрисабз и Китаб.

Кратко останавливается Мухаммад Шариф на злоключениях мятежного сына Музаффара ['Абдал]малика тюрюн вплоть до его ухода в Индию, ничего нового не прибавляя к написанному другими авторами (л. 98б).

Мухаммад Шариф рассказывает, что после заключения мира с русскими эмир Музаффар отправил к кокандскому хану Худайару своего посла, отца автора Дамуллу 'Абдашшукура садра, с какими-то «советами». Автор здесь не говорит, что это были за «советы», однако из другого его сочинения³⁸ видно, что целью поездки 'Абдашшукура в Коканд была попытка объединить силы для борьбы с русскими. Однако Худайар отказался и даже арестовал посла (л. 99а—б).

После возвращения посольства от Худайара Музаффар отправляет Парса Ходжу садра, войскового муфтия, сына 'Инай-аталлах махдума кази-калана с письмом к турецкому султану³⁹ с просьбой помочь Бухаре в борьбе против христиан. Однако посольство в Турцию оказалось тоже безрезультатным

³⁷ Сами в отличие от Шарифджан Махдума и Салими («Тарих-и Салими», л. 63а), говорит, что Шир 'Али не погиб, а был только ранен и бежал из Самарканда, после чего еще был правителем в Хатырчи (л. 228а).

³⁸ سلسله خان گیتی ستان چنگیز خان و بیان احوالات
رخт. № 2193, л. 205а.

³⁹ Год отправления письма бухарским эмиром турецкому султану не указан, приведено только имя султана—'Абдалмаджид, что, конечно, является ошибкой, так как названный султан правил с 1838 по 1861 г.

Упомянутое событие освещено еще в описанном ниже сочинении: «Изложение примеров в обстоятельствах жизни [автора]» и в письме эмира к султану, копия которого

(л. 99б — 100а). Последующие годы своего царствования, пишет автор, Музаффар имел дружественные отношения с русскими; в стране было спокойно, и население ханства было довольно.

Мухаммад Шариф отмечает, что дружба между Бухарой и Россией в правление эмира 'Абдалахада еще больше возросла. В Бухаре уже существовал телеграф, железная дорога, был построен железный мост через Амударью, изменился облик ряда бухарских городов, в частности Чарджуя. Автор пишет, что относящаяся к Чарджую местность под названием Диванабаг своими зданиями, обилием товаров, торговыми связями с купцами многих стран стала напоминать европейские города; количество жителей здесь достигало 12 тыс. (л. 104). Большие здания, множество магазинов появилось в Кагане. В самой Бухаре были выстроены большие магазины, были созданы государственные банки, производившие крупные операции (л. 104б).

В пограничных городах Керки и Ширабаде были возведены крепости и поставлены военные гарнизоны (л. 104б).

Подводя общий итог правлению 'Абдалахада, Мухаммад Шариф говорит, что в его время людям жилось хорошо — и купцам и крестьянам (دهاقين),⁴⁰ не было никаких смут и распрей (л. 104б).

Попутно с изложением исторических событий Мухаммад Шариф приводит списки имен людей, занимавших те или иные должности при различных среднеазиатских государях, например: улемы времени эмира Музаффара (л. 93а — б), везиры и эмиры Музаффара (л. 96а), улемы, которые во время войны с русскими находились при Музаффаре (л. 96б), и т. д.

Несмотря на сжатость изложения событий периода завоевания и присоединения части Бухарского ханства к России, сочинение Шарифджана Махдума подтверждает ряд свидетельств Даниша и Сами, например, непопулярность газавата против русских в народе. Даниш и Сами ярко обрисовали методы, которыми действовало бухарское духовенство, чтобы заставить народ принять участие в газавате, Мухаммад Шариф

хранится в ИВАН УзССР (см. ниже описание рукописи № 282/IV, л. 61б — 67а).

В первом труде указано (л. 170а), что эмир отправил письмо в Турцию перед завоеванием русскими Каттакургана (1868 г.), в копии письма — после взятия ими Ходжента (1866 г.), следовательно, письмо было адресовано султану 'Абдал'азизу (1861 — 1876).

⁴⁰ Утверждение Мухаммада Шарифа опровергается свидетельством Даниша, который, описав плачевную жизнь простого народа, в том числе крестьян, в период правления Музаффара, отмечает, что при 'Абдалахаде в этом отношении ничего не изменилось (л. 79а).

же сообщает, из кого составилось, в конце концов, «войско ислама» и на что оно оказалось способно.

Шарифджан Махдум рассказывает также о попытках эмира Музаффара сколотить силы для борьбы с русскими: конкандский хан, султан Турции — о чем ни Даниш, ни Сами не пишут.

В «Истории» полнее, чем у Сами и Даниша, освещены последствия присоединения Бухарского ханства к России: описано проникновение в Бухару иностранного капитала во второй половине XIX в.; строительство крупных магазинов в городах Бухаре, Кагане, Чарджуе; организация крупных банков; строительство железной дороги, моста через Амударью, телеграфа, новых зданий и т. п.

Мухаммад Шариф в своем труде, подобно Салими, совершенно не касается положения трудового народа, отмечая, что в правление Абдалахада хорошо жилось и купцам и крестьянам (л. 104б), что, как мы знаем, опровергается сочинением Даниша.

* * *

III «تنزيل الامثال في ذكر بيان الاحوال» Изложение примеров в обстоятельствах жизни [автора], принадлежащее перу *Хамида*, сына казия Бака ходжа, представляет собой мемуары, тесно переплетающиеся с историей Бухарского ханства.

В труде отражена история Бухары с середины XIX в. вплоть до первых лет установления там Советской власти (произведение закончено 6 ша'бана 1346/29 января 1928 г.).

Об авторе труда известно только из его настоящего труда. Хамид ибн Бака ходжа (л. 2а) родился, примерно, в конце 70-х — начале 80-х гг. XIX в.⁴¹ Рано потерял отца, занимавшего при Музаффаре должность казия Керки (л. 90б), и жил в Бухаре со своей матерью, бабушкой и старшим братом (л. 3б). В детстве учился в медресе Мухтар, расположенном недалеко от их дома, и жил там в худжре, отданной в вакф его предками (л. 2а — б). Автор сообщает, что в медресе он изучал религиозные науки, читал книги суфийского содержания, приводит их названия. Суфийское мировоззрение имело, по видимому, на него в то время сильное влияние. Так, в своем труде Хамид ибн Бака ходжа рассказывает, что когда в летние месяцы его семья выезжала на родину отца в местность

⁴¹ Время рождения автора установлено приблизительно из сопоставления следующих сведений, приведенных в сочинении: Хамиду было 13 лет, когда кази-каланом Бухары был Мулла Мир Бадрадин, занимавший эту должность с 1306/1888—1889 по 1326/1908 г.

Ханаках-и Хазрат ходжа суфи Дихкана, недалеко от Бухары, где находилась обитель дервишей, он наблюдал там собрания суфиев орденов накшбандийа и джахрийа, много беседовал с ними и, по его словам, несмотря на свой малый возраст, вскоре достиг того же совершенства в религиозных науках, что и они (л. 46).

Хамид проявлял старание в учении и со временем, когда объем изучаемых им книг увеличился, оставался в своей худжере даже на лето. В связи с удорожанием худжр в Бухаре (цена их стала доходить до 40—50 тысяч танга), автор, за неимением средств, переселился в дом своей матери (л. 99а). В рамазане 1321/ декабре 1903 по инициативе казия Чарджуя Хамид женился на его дочери (л. 56а).

Несмотря на увлечение в юности суфизмом, Хамид ибн Бака ходжа, как это видно из его сочинения, был хорошо знаком с передовой поэзией и литературой своего времени. Так, он много пишет об Ахмаде Данише, высоко оценивая его ум, знания, а также независимый нрав и смелое поведение по отношению к эмиру, и приводит большой отрывок из его труда *نواذر الوقایع* „Чудеса событий“ (лл. 88б—90б, 130б—164а). В *تنزیل الامثال* автор цитирует стихи Сами (л. 169б), Музтариба (л. 172а), Шахина (л. 174б) и др. И уже впоследствии, описывая период после революции в Бухаре, Хамид ибн Бака ходжа выносит окончательный приговор схоластическим религиозным наукам, которые он так старательно изучал в медресе и которые не смогли объяснить ему реальный мир (л. 654а).

Когда установилась в Бухаре Советская власть (1920) Хамид ибн Бака ходжа, который принадлежал к небогатым интеллигентным кругам бухарского общества, сумел объективно оценить преимущества нового перед старым феодальным строем Бухары и даже нашел подтверждение этому в Коране (л. 607б — 608а).

Год смерти автора неизвестен.

Сочинение *تنزیل الامثال فی ذکر بیان الاحوال* „Изложение примеров в обстоятельствах жизни [автора]“ — обширный труд, дошедший до нас в единственном списке (рукопись—автограф, инв. № 602, 661 л., размеры 17×21,3). Список написан скорописным насталиком на различных листах фабричной бумаги и является первоначальным экземпляром; названия глав, отдельные имена и даты выделены красными чернилами.

В предисловии к труду автор сообщает, что сочинение он

делит на 4 главы — «фасла» («время года»), в свою очередь подразделяющихся на 4 части — «моусума» («сезон»), и приводит краткое содержание каждой из них:

I — начало изложения [жизни автора] и приобретение совершенства [в знаниях].

II — о жизни и делах и рассказы о некоторых хакимах, казиях, уламо, шейхах и ученых; завоевания русского государства в Мавераннахре и Бухаре.

III — стремление [автора] получить должность раиса и отказ от этого стремления.

IV — о революции и революционерах и о событиях, связанных с этим.

Рассказ о завоевании Средней Азии Россией помещен автором в третьем «моусуме» второго «фасла» (л. 1166 и сл.).

Хамид ибн Бака ходжа сам не был свидетелем описываемых в этой главе событий, и при передаче их он пользовался в этой главе современными источниками (например, сочинение С. Айни *تاریخ امیران منغیتیه بخارا* л. 1186); так и устные свидетельства современников тех времен, называя их имена и занятия (например, чайханщик в медресе Куимена и занятия (например, чайханщик в медресе Куимена, живший и учившийся еще при эмире Насраллахе, с которым автор беседовал в 1322/1904—1905 г. — л. 1166; с которым автор беседовал в 1322/1904—1905 г. — л. 1166; один из сипахов эмира Музаффара по имени Авлия кулбек — л. 1726 и др.).

Перед изложением событий завоевания Хамид ибн Бака ходжа дает краткий экскурс в историю Мангитской династии в Бухаре, начиная с ее основателя Рахим хана (л. 120а), затем идет Данийал (л. 120б), Хайдар (л. 121а), эмиры Хусайн и 'Умар (л. 121б), Насраллах (л. 121б и сл.) и, наконец, Музаффар (л. 166б и сл.).

Автор пишет, что уже при Насраллахе русские начали завоевывать среднеазиатские города (Казали, Акмечеть и др.), однако ханы, занятые постоянной борьбой между собой, не оказывали им сопротивления. Правитель Хорезма присылал Насраллаху послов, чтобы договориться о совместной борьбе, но Насраллах отказался под предлогом мощи русского государства, а сам тем временем выступил на Коканд (л. 1186).

Хамид ибн Бака ходжа сообщает о двух русских посольствах, приезжавших в Бухару при Насраллахе с выражением дружбы (указан год прибытия в Бухару второго посольства — 1258/1842 г. — л. 1186). Несмотря на то, что послы были хорошо приняты Насраллахом, окончательного ответа он им не дал, и они уехали ни с чем.

Освещение правления эмира Музаффара Хамид ибн Бака ходжа начинает с упоминания о жестокой расправе государя

с восставшими в начале его царствования феодалами Хисара, Денау, Байсуна и т. д. (л. 166б). Затем он констатирует взятие русскими Ташкента и сообщает об отправлении ими в Бухару послов с предложением дружбы и мира. Послы были арестованы эмиром, и это, по мнению автора, побудило русских продолжить завоевание — они перешли Сырдарью, овладели Ходжендом и рядом других городов. Автор говорит о том, что несмотря на то, что большая часть территории Ферганы была завоевана русскими, правители Туркестана не прекращали междоусобиц (л. 167а).

Со слов одного жителя Маргилана по имени Кари Савдаи (قارى سودائى), Хамид ибн Бака ходжа передает, что кокандский хан Худайар решил объявить газават против русских и для этого стал обучать людей стрелять. Кари Савдаи никак не мог научиться пользоваться фитильным ружьем, и тогда ему дали палку (лл. 167б—168а).

В сочинении подчеркивается тупость и самомнение эмира Музаффара, который не только сам не задумывался над плачевным положением своего государства, но и преследовал людей, которые осмеливались давать ему «советы». Так, автор рассказывает о некоем купце Сайид бае из Вабкента, который ежегодно бывал в России по торговым делам, видел огромное отставание в развитии Бухары и предвидел возможность военного захвата ее Россией.

Сайид бай изложил свои сомнения эмиру и посоветовал ему ежегодно отправлять в Россию группу молодых людей обучаться военному делу. Вместо того, чтобы последовать этому совету, эмир приказал убить Сайид бая; последний спасся, убежав вместе с семьей в «русские пределы» (л. 169а). Отсутствие обученных войск, по мнению автора, и явилось причиной позорного поражения. В 1285/1868 г. русские одержали окончательную победу над Бухарой (л. 169б).

Сообщается также о письме эмира Музаффара к турецкому султану с просьбой помочь против русских. Письмо было отправлено, по словам автора, перед завоеванием русскими Каттакургана с гонцом по имени Мир Абу-л-Хай ходжа ⁴²مير ابو الحى خواجه; автор письма — казий Абдалвахид садр. Подобные же письма были направлены через Турцию во Францию и Англию, однако помощи ни от кого не последовало (л. 170а).

⁴² В сочинении Шарифджана Махдума «Та'рих» (л. 99б — 100а), а также в тексте письма, хранящегося в ИВ АН УзССР, ркп. № 282/IV (л. 61б — 67а сборного тома), гонцом назван Парса ходжа садр.

Коротко описывает автор мятеж [‘Абдал]малика тюри против отца, эмира Музаффара, считая причиной его стремление ‘Абдалмалика спасти страну от завоевания. Провал мятежа ‘Абдалмалика и заключение мира с русскими завершают описание событий завоевания.

Личность эмира Музаффара представлена в сочинении со слов одного из его сипахов — Авлийа кул бека — в весьма неприглядном свете (л. 172—176а), что совпадает с характеристиками, данными ему в трудах Даниша и Сами (см. «нелегальную» версию истории «Та’рих-и салатин-и мангитийа»).

Сменивший Музаффара на бухарском престоле эмир ‘Абдалахад представлен в сочинении как справедливый и экономный правитель, который наказывал своих сановников за излишнюю роскошь, конфискуя у них усадьбы (л. 177а), драгоценные камни (л. 179а — б) и т. п.

Как и другие авторы, Хамид ибн Бака ходжа отмечает спокойствие в стране в период правления ‘Абдалахада, отсутствие междоусобиц, процветание торговли, увеличение производства хлопка, шерсти, каракулевых шкур и т. п. (л. 182а). В этот период, по словам автора, богатели торговцы, которые из налогов платили только закят, один раз в год (л. 182а — б). Хамид ибн Бака ходжа отмечает усиление влияния России в Бухаре в это время, образно характеризуя отношения между двумя государствами фразой: «Воробей [Бухара] в когтях у орла [Россия]» — л. 183а — б.

Таким образом, и та часть сочинения, которая освещает правление Музаффара, хотя она написана не очевидцем событий, представляет большой интерес. В этой части автор добавляет к историческим хроникам, на которые ссылается, устные свидетельства современников и очевидцев, называя их имена, профессии, занятия и т. д.

Далее он полнее, чем Даниш и Сами, освещает начало капиталистического развития страны, например, увеличение производства отдельных сельскохозяйственных продуктов и сырья для русской промышленности, как хлопок, шерсть и т. п. Автор так же, как Шарифджан Махдум, подчеркивает изменение облика Чарджуя, бывшего невидным провинциальным городком, местом ссылки для попавших в немилость эмирских чиновников, и ставшего после завоевания и проведения железной дороги процветающим торговым городом (л. 42б — 43а).

В описываемом труде содержится немало материала, характеризующего культурную и хозяйственную жизнь бухарского общества XIX — XX вв.; сведения по топографии Бухары (список бухарских медресе — л. 30а и др.), рассказы автора о своих современниках — друзьях (л. 18б и сл.), о некото-

рых сановниках, улемах и ученых (приведены интересные детали биографии Ахмада Даниша — л. 586 — 906) и т. д.

К недостаткам сочинения Хамида ибн Бака ходжи следует отнести слабое освещение в нем положения простого народа, хотя из самого описания напрашивается вывод о его полном бесправии. Хамид ибн Бака ходжа рассказывает, например, как обирали трудовой народ духовные лица, шайхи мазаров, выколачивая у людей, посещавших гробницы, деньги для своего кармана (л. 516). Хамид ибн Бака ходжа пишет, что вместо мостов, дорог и рабатов духовенство строило различные здания религиозного назначения, не помогая народу даже в голодные времена. Так было в Нурата, где во время голода шайхи возводили богатую гробницу святого, которая обрушилась, так как, по мнению автора, не вынесла несправедливости (л. 53а — б).

* *
*

IV — Копия полного текста письма бухарского эмира Музаффара к турецкому султану, в котором эмир просит его помочь в борьбе с русскими. Письмо по поручению Музаффара составил Мулла 'Абдалвахид садр. Год составления не известен, однако из содержания письма видно, что оно написано вскоре после взятия русскими Ходжента (1866 г.).

Настоящая копия письма хранится в сборной рукописи (инв. № 282/IV, л. 616 — 67а; размеры 17 × 24,5); написана насталиком на кокандской бумаге, по-видимому, самим составителем Мулла 'Абдалвахид садром, судя по сходству почерка текста с другими произведениями этого сборного тома, переписанными его рукой (текст некоторых листов расположен по диагонали, например, л. 626 — 64а, 656).

После традиционного вступления в прозе со стихотворными вставками, преимущественно на арабском языке (остальной текст персидский), — восхваления Аллаха, Мухаммада и др. (л. 616 — 62а) — сообщается, что письмо написано от Сайид эмира Музаффара халифу — имя не названо, следуют только пышные титулы и эпитеты (л. 626 — 63а).

Далее Музаффар пишет, что, вступив на трон, он хотел исправить, согласно старинным обычаям, письмо халифу, однако этому помешали развернувшиеся в стране события — сначала восстание кинегесов в Шахрисабзе и его окрестностях, потом наступление русских (л. 64а). Кратко излагается история русского завоевания Средней Азии до времени написания письма. Эмир пишет, что уже 20 лет, как русские отобрали у казахов часть Даштикипчака, построили крепость Ак-

мечеть, затем продвинулись дальше и дошли до Ташкента. Музаффар сообщает, что жители Ташкента обратились к нему за помощью, и он отправил к русским посла, чтобы выяснить действительное положение дел (л. 64б). Русские же задержали бухарского посла, а сами перешли Сырдарью и осадили Джизак. Однако взять им его не удалось, и они укрепились на берегу Сырдарьи (л. 65а). Эмир решил выступить с джихадом, и на берегу Сырдарьи произошел бой, но так как, пишет эмир, узбекские воины до сих пор не сталкивались с таким противником, как русские, не имели представления ни об их пушках, ни о ружьях, они потерпели поражение, а русские тем временем выступили на Ходжент, незадолго до этого отвоеванный эмиром у Коканда (л. 65а).

Музаффар описывает взятие русскими Ходжента: мусульмане, укрепляя город, оставили незащищенной одну сторону, примыкающую к реке. Русские воспользовались этим, переправились на лодках с пушками и завязали бой. В сражении за город погибло много улемов, сайидов и т. д. Оставшееся в живых население города, пишет эмир, надеется на поддержку Аллаха и ждет помощи (л. 65б).

В заключительной части письма с многочисленными ссылками на Коран говорится о достоинствах халифа, о его обязанностях по защите прав мусульман, затем следует просьба о помощи (л. 66а) и выражается надежда, что халиф не оставит мусульман без поддержки и притеснения неверных обратятся против них самих (л. 66б).

В конце Музаффар называет имя своего гонца — Парса ходжа садр — и сообщает, что упомянутый гонец выскажет устно то, что недосказано в письме. Завершают послание стихи, в которых заключена та же просьба о помощи.

После текста письма — приписка его составителя Мулла Абдаивахид садра, в которой он сообщает, что его письмо было выбрано эмиром среди других, представленных ему (л. 67б — 68а).

* *

*

Подводя итог сказанному выше, следует отметить, что нарративных рукописных трудов по истории Бухарского ханства второй половины XIX в. сравнительно немного, тем не менее они позволяют составить довольно полное представление о Бухаре того периода и содержат нигде более не встречающиеся материалы о внутренней жизни ханства. Изучение последних поможет разрешить некоторые спорные вопросы по истории среднеазиатских ханств рассматриваемого времени.

Упомянутые бухарские хроники свидетельствуют, что к середине XIX в., несмотря на консолидацию среднеазиатских ханств (Бухарского, Кокандского и Хивинского), процесс сближения земель еще не завершился, и между ханами велись постоянные войны. Так, Сами сообщает о походе кокандского хана на Джизак вскоре после восшествия на бухарский престол эмира Музаффера и о присоединении затем, незадолго до русско-бухарской войны, к Бухаре Ходжента, находившегося до этого во владениях Коканда, и т. д.

Стремление увеличить свои владения за счет соседних ханств было настолько велико, что заставляло глав среднеазиатских государств забывать даже о внешней опасности — пример этому поход эмира Музаффера на Коканд во время наступления царских войск на Ташкент, о котором сообщают Даниш и Сами.

Этот поход не предотвратили даже неоднократные письма осажденных ташкентцев.

Помимо войн с соседними ханствами, эмир Музаффар вел постоянную борьбу с феодальными правителями внутри своего государства, в основном с хакимами горных княжеств — Шахрисабза, Хисара и др., что характеризует Бухару как слабо централизованное государство. Выступления правителей горных княжеств против Музаффера начались сразу же после его восшествия на престол (1860 г.). Борьба с феодалами, как это особенно хорошо видно из «Тухфа-и шахи» Сами, была для Музаффера нелегкой. Ему стоило огромного труда овладеть Денау, а с Шахрисабзом пришлось заключить перемирие. Феодалы не прекращали борьбы с Музаффаром и во время завоевания ханства войсками царской России. Сделав своим орудием Абдалмалика, сына Музаффера, обещанием ему трона они сумели перетянуть на свою сторону также многих влиятельных сановников двора.

С феодальными междоусобицами было покончено только с помощью царских войск уже после заключения мирного договора с Россией в 1868 г., когда эмир обратился к русским за помощью.

От феодальных распрей жестоко страдало, в первую очередь, мирное трудящееся население ханства. Так, многие бухарские авторы (Салими, Шарифджан Махдум) сообщают, что при подавлении феодального мятежа в Денау Музаффар не щадил ни молодых, ни старых и, воскресив времена Чингиза, в крови потопил восстание. Ту же картину мы видим во время похода эмира на Коканд, когда от бесчинства бухарских воинов жестоко пострадало мирное население, о чем упоми-

нается даже в таком официальном источнике, как «Тухфа-и шахи» Сами.

Отсталость феодального строя в Бухаре с особенной глубиной обнажилась, как мы видим это из бухарских хроник, только во время завоевания ханства царскими войсками. Существовавшая до этого строгая изоляция Бухары от внешнего мира, всеми мерами поддерживаемая правителями, лишала жителей страны возможности сравнения ее с другими государствами, не позволяла критически отнестись к положению в ханстве. Эмир Музаффар, как и его предшественники, жестоко преследовал малейшее стремление нарушить эту замкнутость. Так, из труда Хамида ибн Бака ходжи мы видим, к чему привели попытки бухарского купца Сайид бая убедить эмира перенимать опыт военного искусства у своего более развитого соседа — России, — купец чуть не поплатился жизнью.

Все это привело к тому, что не только простой народ Бухары, но даже правящие круги, в том числе и эмир, не имели реального представления о России. Этим объясняются и самоуверенные заявления Музаффара в начале русско-бухарской войны, что если он выступит против русских, то пойдет не на помощь осажденному Ташкенту, а прямо на Москву.

Незнание врага сказалось и на организации газавата, когда, по словам Даниша, «духовенство не интересовалось, каков враг, какое у него оружие и вооружало народ палками, как будто отправляло его на кулачные бои». Такое поведение духовенства Даниш связывает с низким культурным уровнем правящих кругов бухарского общества. «Умение читать и писать считалось достаточным для царевичей», — с горечью свидетельствует он. Большинство сановников были полуграмотными, а первый визирь Бухары Мухаммад Шах кушбеги даже совершенно неграмотен.

Показательно, что такое положение вещей никого в Бухаре не удивляло, и когда бухарского посла в Петербурге спросили, правда ли, что первый визирь Бухары неграмотен, тот ответил, что у визиря имеются грамотные секретари (!).

В трудах Даниша и Сами содержится подробное описание истории организации газавата против русских, что дает нам ценный материал при изучении вопроса отношения к завоеванию различных слоев бухарского общества. Инициатива газавата, как мы видели из описанных выше сочинений, целиком принадлежала духовенству, которое было и вдохновителем и организатором этого движения. Однако лозунг газавата оказался непопулярен среди народа, и поэтому фанатически настроенное духовенство от убеждений и агитации перешло к насилию. За отказ от участия в «священной войне» даже из-

бывали мирных жителей. В результате таких «героических» усилий духовенству в Бухаре удалось собрать войско, а вернее неорганизованную толпу случайных людей. Естественно, это войско было совершенно небоеспособно, и при первом же выстреле противника распалось.

Трудящееся население Бухарского ханства не только не хотело принимать участия в газавате, но, как это видно из произведений Сами «Тухфа-и шахи» и изданной «Та'рих-и салатин-и мангитийа», даже обращалось в ряде случаев за помощью к русским, пытаясь найти защиту от притеснений феодальных правителей. Если принять во внимание сильнейшее влияние мусульманской идеологии в Средней Азии в то время, то такое отношение к завоевателям-иноверцам становится ярким свидетельством невыносимости феодального гнета, царившего в Бухарском ханстве в период завоевания его царскими войсками.

Превращение Бухары в зависимое от России государство после заключения мирного договора в 1868 г. почти не изменило внутреннюю жизнь в ханстве: по-прежнему глава государства — эмир — имел неограниченную власть над жизнью и имуществом своих подданных; остался тот же административный аппарат и те же способы эксплуатации трудового народа. Яркие примеры бесправной жизни трудящихся Бухары в этот период привел в своем труде Ахмад Даниш. Бесконечные налоги душили народ — и крестьян, с которых, по словам автора, эмирские чиновники ухитрялись взимать налоги даже с незасеянных земель, и горожан, которых беззастенчиво грабили на бухарских базарах, оставляя мизерную долю вырученных денег (эпизоды с продажей пряжи, коконов и т. п.).

Вся система управления Бухарского ханства основывалась на подкупах и взятках, которые брали все, начиная от эмира и кончая низшими чинами. Одним из способов получения должности у эмира, сообщает, например, Даниш, было умение раздобыть ему наложницу. Неудивительно поэтому, что даже высшие государственные посты в Бухаре занимали люди, совершенно не соответствующие занимаемой должности.

Система взяток была настолько распространена в стране, что даже представители полицейского аппарата брали деньги с воров, вступая с ними в соглашение.

Упомянутые авторы указывают и на некоторые изменения, наступившие в стране после завоевания ее и заключения мирного договора с Россией.

Так, во всех сочинениях отмечается «наступление спокойствия» в ханстве, прекращение феодальных междоусобиц,

пагубных для экономики страны. Бухарские источники констатируют, что благодаря сближению между Бухарой и Россией после заключения мирного договора 1868 г. в ханство стали проникать элементы более передовой культуры и техники (проведение железной дороги и телеграфа).

В трудах отмечаются также и сдвиги в экономике Бухары. Так, Хамид ибн Бака ходжа в своем труде свидетельствует об увеличении в Бухаре в конце XIX в. производства хлопка, шерсти и каракулевых шкурок под влиянием развития русской промышленности. Источники указывают также на изменение облика ряда бухарских городов (например, Чарджуя и др.).

Однако все это не улучшало положения трудового народа. Умышленно сохраненный и поддерживаемый царским правительством феодальный режим в Бухаре обеспечил царизму в лице эмира покорного вассала, что облегчило проведение колониальной политики царизма. Двойной гнет — царской России и феодальный — тяжким бременем ложился на плечи трудящихся масс.

Преследуя только свои цели и выгоду, царское правительство не только не заботилось о нуждах трудового народа, а отнимало у него даже необходимое. Это особенно ощутимо сказалось на отношении царской администрации к водам Зарафшана, оказавшимся после 1868 г. в ее руках.

Одним из важнейших последствий завоевания было пробуждение общественного сознания у жителей ханства. Обнажив все недостатки феодального общества, оно открыло глаза наиболее передовым и просвещенным людям на окружающую действительность, способствовало пробуждению у передовой интеллигенции критического отношения к ней и формированию новой идеологии. Яркий пример этого — сочинения Ахмада Даниша, в частности, описанное «Рисала», где бухарская действительность подвергается беспощадной критике.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
<i>Глава I</i>	
Ахмад Даниш رساله „Трактат“	9
‘Абдал‘азим Салими تحفة شاهي „Подарок шаху“	22
<i>Глава II</i>	
Салими تاريخ سليمي „История Салими“	44
Мухаммад Шариф садр Зийа تاريخ „История“	51
Хамид Ибн Бака ходжа	
تنزيل الامثال في ذكر بيان الاحوال	
„Изложение примеров в обстоятельствах жизни автора“	64
Письмо бухарского эмира Музаффара турецкому султану	69

9
Е 67

Епифанова Л. М.

Рукописные источники Института востоковедения Академии наук УзССР по истории Средней Азии периода присоединения к России (Бухара). (Под ред. и при участии канд. истор. наук А. Урунбаева). Т., «Наука», 1965. стр. (Акад. наук УзССР. Ин-т востоковедения им. Абу Райхана Бируни).

9+ 9(С52)

Редактор Р. Х. Любецкая
Художник В. С. Тий
Технический редактор В. М. Бубнова
Корректор Л. К. Кожевникова

Р10745. Сдано в набор 14/X-65 г. Подписано к печати 11/XII-65 г. Формат 60×90^{1/16} -2,38.
бум. л. Печ. л. 4,75 Уч.-изд. л. 4,5. Изд. № 1375. Тираж 1000 Цена 32 к. Заказ 1251.

Типография Изд-ва «Наука» УзССР, г. Ташкент, 2-я Высоковольная, 21.
Адрес Издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.